

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ДИАВЛО

ТРИЛОГИЯ
ВОЙНЫ ГРЕХА

Л Е Г Е Н Д Ы В Л И З А Р Д

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРАВѠ КРѠВИ

РИЧАРД А. КНААК

Ричард А. Кнаак
Право крови
Серия «Легенды Blizzard»
Серия «Diablo»
Серия «Трилогия
Войны Греха», книга 1

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65567526
Право крови. Фантастический роман: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-135133-5

Аннотация

От начала времен небесное ангельское воинство и орды демонов из глубин Преисподней ведут нескончаемое сражение за будущее всего сущего. Ныне это сражение развернулось и в Санктуарии – мире людей. Преисполненные решимости склонить человечество на свою сторону, силы добра и зла ведут тайную войну за души смертных. Это история Войны Греха – конфликта, который навсегда изменит судьбу рода людского.

За три тысячи лет до того, как Тристрам окутала тьма, Ульдиссиан, сын Диомеда, был простым крестьянином из деревушки Серам. Вполне довольный спокойной, идиллической сельской жизнью, Ульдиссиан до глубины души

потрясен зловещими событиями, с невероятной быстротой разворачивающимися вокруг него. Ошибочно обвиненный в зверском убийстве двух странствующих миссионеров, Ульдиссиан вынужден бежать из родных мест и пуститься в трудные, опасные странствия, дабы восстановить свое доброе имя. К немалому его ужасу, в нем начинают пробуждаться странные силы – силы, о коих никто из смертных не мог даже мечтать. Теперь Ульдиссиану приходится вести борьбу с собственной мощью, растущей день ото дня, не то новые силы поглотят все, что остается в нем от человека.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	30
Глава третья	55
Глава четвертая	77
Глава пятая	101
Глава шестая	127
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Ричард А. Кнаак

Право крови

Фантастический роман

Richard A. Knaak

Diablo: The Sin War. Book One. Birthright

* * *

Печатается с разрешения компании Blizzard Entertainment International.

© 2021 by Blizzard Entertainment, Inc.

Все права защищены.

The Sin War Book One: Birthright, World of Warcraft, Diablo, StarCraft, Warcraft и Blizzard Entertainment являются товарными знаками и/или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment в США и/или других странах.

Все прочие товарные знаки являются собственностью соответствующих владельцев.

Пролог

Мир тогда был еще юн, и лишь немногие знали, что именуется он Санктуарием, а ангелы с демонами не только существуют, но сам Санктуарий сотворен некоторыми из их числа. В те дни губы смертных еще не шептали имен немногих могущественных, зачастую ужасных – Инария, Диабло, Ратмы, Мефисто и Баала.

Времена те были намного проще. Не ведавшие о нескончаемой битве меж Небесами и Преисподней, люди бедствовали и процветали, жили и умирали. Откуда же им тогда было знать, что вскоре обе бессмертные стороны устрелят на них алчные взгляды, и это положит начало противоборству, которому суждено продлиться не одну сотню грядущих лет?

Самым слепым из самых ужасных невежд, ни сном ни духом не подозревавших о жуткой участи Санктуария, по праву мог называться Ульдиссиан уль-Диомед – то есть, Ульдиссиан, сын Диомеда. Однако ему-то, слепцу, и предстояло оказаться в самом центре событий, впоследствии названных книжниками, изучающими тайную историю мира, *Войною Греха*.

Нет, то была не война в смысле столкновения воинств, хотя и без таковых, конечно же, не обошлось – скорее, то был искус, испытание, уловление душ. Войне той предстояло навеки покончить с невинностью, с простотой Санктуария и

его обитателей, навеки изменить всех – даже тех, кто ни о чем и не подозревал.

Война та завершилась победой... но в то же время и поражением...

Из «Книг Калана»

том первый, лист второй

Глава первая

Тень, упавшая на стол Ульдиссиана уль-Диомеда, укрыла не только большую часть столешницы, но и его руку, и до сих пор не тронутый эль. Кто помешал его краткому отдыху от дневных трудов, светловолосый крестьянин понял, даже не поднимая взгляда. Он слышал, как новоприбывший говорил с прочими гостями «Кабаньей головы», единственной таверны в захолустной деревушке Серам – слышал, какие речи он вел, и беззвучно, но истово молился, чтоб незнакомец не подошел к его столу.

Ну, не смешно ли: сын Диомеда *молится* о том, чтоб незнакомец держался подальше, тогда как перед ним, дожидаясь, когда же Ульдиссиан соизволит поднять взгляд, стоит не кто-нибудь – миссионер из Собора Света! Облаченный в сияющие белизной и серебром (если не брать в расчет серамской грязи по краю подола) ризы с высоким воротом, он, несомненно, вогнал в благоговейный трепет немало ульдиссиановых односельчан, однако в Ульдиссиане его появление пробудило самые жуткие воспоминания. Охваченный злостью, крестьянин изо всех сил старался не отрывать глаз от кружки.

– Узрел ли ты *Свет*, брат мой? – удостоверившись, что потенциальный неопит твердо намерен не замечать его, осведомился новоприбывший. – Коснулось ли Слово великого

Пророка души твоей?

– Другого кого поищи, – буркнул Ульдиссиан, невольно сжав свободную руку в кулак, и наконец-то глотнув эля в надежде, что на этом нежеланный разговор и завершится.

Однако отвадить миссионера оказалось не так-то просто.

Накрыв ладонью предплечье крестьянина – и таким образом помешав Ульдиссиану сделать еще один глоток эля – бледный юноша продолжал:

– Если уж не печешься о себе, так подумай о своих близких! Неужто ты откажешь их душам в...

Крестьянин взревел, лицо его покраснелось от неудержимого гнева. Одним движением вскочив на ноги, Ульдиссиан ухватил перепуганного миссионера за шиворот. Стол опрокинулся, забытый хозяином эль выплеснулся на дощатый пол. Прочие гости, что сидели вокруг, включая и пару редких для Серама проезжих, уставились на ссору с тревогой и любопытством... однако, наученные опытом, предпочитали держаться в сторонке. Кое-кто из местных, прекрасно знавших Диомедова сына, покачал головой, другие негромко забормотали между собою: нашел, дескать, этот пришлый, с кем да о чем разговор заводить!

Ростом миссионер превосходил Ульдиссиана, тоже человека довольно высокого, куда выше шести футов, на целую пядь, однако плечистый крестьянин был много тяжелее, и все – благодаря мощным мускулам, изрядно укрепленным долгими днями пахоты и ухода за домашней скотиной. Квад-

ратная челюсть и грубые черты обрамленного бородою лица сразу же выдавали в Ульдиссиане уроженца земель, простиравшихся к западу от огромного города-государства под названием Кеджан, «жемчужины» восточной части мира. Казалось, темно-карие глаза Ульдиссиана вот-вот испепелят до тла сухощавого, светлоглазого, на удивление юного проповедника из Собора.

– Души большей части моих родных Пророку уже не достанутся... *брат!* Они мертвы уж без малого десять лет, и всех их сожрала чума!

– Тогда мне надлежит помолиться за... з-за них...

Но эти слова лишь разъярили Ульдиссиана сильнее прежнего: долгие месяцы он сам молился за страждущих родителей, за старшего брата и двух сестер. Молился день и ночь, нередко без сна, любой высшей силе, какая о них ни заботится, вначале об исцелении, а после, когда надежд уже не осталось, о быстрой и безболезненной смерти.

Однако и эти молитвы пропали впустую. Родные, один за другим, умерли в страшных муках на глазах убитого горем, беспомощного Ульдиссиана. Только он да младший брат, Мендельн, и уцелели, дабы похоронить остальных.

Уже в те времена в деревню зачастили миссионеры, уже в те времена вели они речи о душах родных и о том, что именно их сектам известны ответы на все мыслимые вопросы. И все, как один, сулили Ульдиссиану: если-де он последует их путем, то непременно обретет покой, примирится с утратой

близких.

Но Ульдиссиан, некогда – человек глубоко верующий, во всеуслышанье поносил всех проповедников до одного. В речах их не чувствовалось ничего, кроме пустоты, а со временем его отповеди неизменно оказывались вполне справедливыми: секты этих миссионеров уходили в небытие с той же неуклонностью, с какой за севом приходит страда.

Уходили... однако не все. Собор Света, пусть и основанный совсем недавно, казался куда устойчивее большей части предшественников. Мало того, он, да еще чуть более традиционная, освященная временем Церковь Трех вскоре сделались двумя главными силами в борьбе за души кеджанского народа. На взгляд Ульдиссиана, истовость, с которой обе стороны стремились завлечь к себе новообращенных, граничила с жестокой борьбой, в корне противоречащей духовным воззрениям и тех и других.

Это и было для Ульдиссиана еще одной причиной держаться подальше от обоих культов.

– Помолись за себя, а не за меня с близкими, – прорычал Ульдиссиан.

С легкостью поднятый в воздух за шиворот, миссионер вытаращил глаза...

Но тут из-за прилавка таверны выскользнул, вмешался в происходящее коренастый, лысеющий человек. Гораздо старше годами, силой с Ульдиссианом Тибион равняться не мог, однако он был добрым другом покойного Диомеда, и его

слова на разъяренного крестьянина подействовали.

– Ульдиссиан! Не думаешь о себе, так подумай хоть о моем заведении, а?

Ульдиссиан замешкался: словам владельца таверны удалось пробиться сквозь пелену его гнева. Оторвав взгляд от бледного, узкого лица миссионера, он оглянулся на круглолицего Тибиона, вновь повернулся к проповеднику и, досадливо хмурясь, разжал пальцы.

Миссионер, к вящему своему унижению, мешком рухнул на пол.

– Ульдиссиан... – начал было Тибион.

Но сын Диомеда не желал больше ничего слушать. С дрожью в руках, грохоча поношенными сапогами по плотно пригнанным половицам, он вышел из «Кабаньей головы» на улицу. Снаружи веяло свежестью, и это помогло Ульдиссиану несколько успокоиться, а остыв, он едва ли не сразу начал жалеть о содеянном. Нет, даже не о содеянном – скорее, о том, что случилось все это на глазах у множества тех, кто его знает... и далеко не впервые.

И все-таки появление в Сераме приверженца Собора здорово раздражало. Гибель родных сделала Ульдиссиана человеком, верящим только в то, что видят глаза и могут пощупать руки. Видя, как меняются небеса, он понимал, когда с работой в поле следует поторопиться, а когда времени хватит, чтобы закончить труды без особой спешки. Выращиваемые его трудом из земли урожаи кормили и его самого, и

других. Вот этим вещам он доверял без оглядки, а как можно верить бормочущим молитвы святошам и миссионерам, не принесшим его семье ничего, кроме напрасных надежд?

Народу в деревне Серам проживало душ этак двести, по меркам одних – ничто, но на взгляд других – очень даже немало. Пройти ее от края до края Ульдиссиан мог бы, не сделав и двух сотен вдохов. Его угожья начинались в двух милях к северу от Серама. Раз в неделю Ульдиссиан отправлялся в деревню, за разными нужными разностями, и неизменно позволял себе ненадолго завернуть в таверну, перекусить и выпить. Поесть он поел, эль, увы, пропал зазря, осталось лишь перед уходом завершить кое-какие дела.

Кроме таверны, служившей также постоянным двором, других чем-либо примечательных заведений в Сераме имелось всего четыре – молельня, фактория, казармы деревенской стражи и кузница. Выстроены они были на тот же манер, что и остальные серамские здания: островерхие крыши, покрытые тростником, и обшитые досками стены, возведенные на основании из нескольких рядов камня и глины. Согласно обычаю большинства тяготевших к Кеджану земель, на каждую сторону выходило, ни более ни менее, по три стрельчатых окна. Правду сказать, издали один дом ничем не отличался от другого.

Сапоги вязли в грязи: кому в захолустном Сераме придет на ум мостить улицы тесаным камнем или хотя бы булыжником? Да, в нужную сторону от таверны вела неширокая су-

хая дорожка, однако идти в обход Ульдиссиану не хватило терпения, а кроме того, крестьянствуя, он с детства привык к единству с землей.

На восточной, а значит, ближайшей к Кеджану околице Серама находилась фактория – самое оживленное место во всей деревушке, не считая таверны. Сюда местные жители несли товары для обмена на всевозможные необходимые вещи, а то и для продажи проезжим купцам. Когда в продаже появлялось что-нибудь новое, над парадной дверью фактории поднимали синий флаг. За этим занятием Ульдиссиан, подойдя ближе, и застал причесанную по-вечернему дочь Кира, Серентию. Семья Кира управляла факторией уже четыре поколения и в деревне числилась среди самых зажиточных, однако одевались он сам и его домочадцы ничуть не роскошнее всех остальных. Нет, носа перед покупателями, в большинстве своем жившими по соседству, торговец вовсе не задирает. К примеру, Серентия была одета в простое платье коричневого полотна, со скромным вырезом на груди и подолом до щиколоток. Подобно большинству деревенских жителей, ходила она в незатейливых сапогах, пригодных и для езды верхом, и для прогулок по грязной, ухабистой главной улице.

– Что-нибудь интересное? – спросил Ульдиссиан, пытаясь, сосредоточившись на других делах, забыть и о неприятном происшествии, и о разбуженных им воспоминаниях.

Дочь Кира оглянулась на его голос, встряхнув густыми

длинными волосами. Со своими васильковыми глазами, кожей цвета слоновой кости и от природы алыми губами, она, всего-навсего одетая в приличное платье, несомненно, могла бы на равных соперничать с первыми красавицами среди дам голубой крови, проживавших в самом Кеджане. Невзрачный наряд вовсе не скрывал ее фигуры и ничуть не умалял грации, с которой ей каким-то непостижимым образом удавалось двигаться в любых обстоятельствах, чем она ни занималась.

– Ульдиссиан! Ты весь день здесь?

Прозвучало это так, что крестьянин едва не поморщился. Младше годами на добрый десяток лет, Серентия, можно сказать, выросла из девчонки в девушку у него на глазах. Ульдиссиан относился к ней, будто к одной из покойных сестер, а вот она, очевидно, видела в нем нечто гораздо, гораздо большее. И неуклонно отвергала внимание со стороны крестьян помоложе и побогаче, не говоря уж об ухаживаниях заезжих торговцев. Единственным, кроме Ульдиссиана, к кому она проявляла хоть какой-либо интерес, был Ахилий, ближайший Ульдиссианов друг и лучший в Сераме охотник, но не кроется ли причина тому в его близкой дружбе с крестьянином, сказать было трудно.

– Пришел в самом начале второго часа дня, – ответил Ульдиссиан.

Приблизившись, он углядел на задах заведения Кира, по меньшей мере, три крытых повозки.

– Солидный караван для Серама. Что тут у нас происходит?

Закончив поднимать флаг, Серентия затянула веревку узлом и бросила взгляд на повозки.

– На самом деле, они просто сбились с дороги, – пояснила она. – А направлялись в Тулисам.

Тулисам был ближайшим поселением по соседству, городком, по меньшей мере, впятеро крупнее Серама. Вдобавок, располагался он ближе к пути от центральной части Кеджана к морю – к нескольким крупным портам.

– Должно быть, провожатый попался из новичков, – проворчал Ульдисиан.

– Ну, что бы их к нам ни привело, они решили немного расторговаться. Отец с трудом сдерживает восторг. Ульдисиан, у них столько прекрасных вещей!

На взгляд Диомедова сына, прекрасными вещами могли быть разве что крепкие, надежные орудия труда, или теленок, родившийся на свет в добром здравии. Так он и собирался ответить... но тут заметил особу, прогуливавшуюся возле повозок.

Одета она была наподобие аристократки, принадлежащей к одному из Домов, стремящихся заполнить собою прореху во власти, образовавшуюся после недавних распрей меж правящими кланами магов. Ее пышные золотистые локоны были стянуты на затылке серебряной лентой, целиком открывая взглядам царственный, безупречной белизны лик.

Слегка приоткрыв тонкие, идеальные во всем губы, кутаясь в мех, накинутый на плечи поверх роскошного изумрудно-зеленого платья, она рассматривала пейзаж к востоку от Серрама. Корсет платья был затянут – ту же некуда, и наряд ее, явный знак принадлежности к высшим кастам, не оставлял никаких сомнений в женской красе заезжей аристократки.

Стоило красавице перевести взгляд на Ульдиссиана, Серентия тут же схватила его за плечо.

– Ты бы, Ульдиссиан, зашел к нам да сам глянул!

Увлекаемый к дощатым двустворчатым дверям, крестьянин украдкой оглянулся назад, но благородной дамы и след простыл. Не знай он, что на этикие затейливые фантазии неспособен – пожалуй, счел бы заезжую красотку игрою воображения.

Едва ли не волоком втащив его внутрь, Серентия, дочь Кира, на удивление громко захлопнула за собой дверь. Поглощенный беседой с купцом в опущенном до бровей капюшоне, ее отец повернулся к вошедшим. Очевидно, старики вели торг за тюк довольно роскошной, на взгляд крестьянина, пурпурной ткани.

– А-а, добрый Ульдиссиан!

Этим словом торговец предварял имя каждого, кроме собственных домочадцев, чем неизменно заставлял Ульдиссиана улыбнуться. Казалось, собственной привычки сам Кир за собою не замечает.

– Как у вас с братом дела?

– Э-э... в порядке дела, мастер Кир.

– Вот и ладно, вот и ладно.

С этим торговец вернулся к делам. Венчик серебристых волос вокруг голого, точно колена, темени и живой, умный взгляд – все это делало Кира куда больше похожим на лицо духовного звания, чем любой из облаченных в ризы священнослужителей. Положа руку на сердце, Ульдиссиан и в речах его находил куда больше смысла, и относился к Киру с немалым почтением – отчасти потому, что торговец, один из самых образованных в Сераме людей, взял под опеку Мендельна.

Вспомнив о брате, проводившем в фактории куда больше времени, чем на ферме, Ульдиссиан огляделся вокруг. Подобно брату, ходивший в полотняной рубахе, килте и сапогах, схожий с братом чертами лица – особенно карими глазами и шириной носа, Мендельн с первого же взгляда заставлял всякого невольно усомниться: да вправду ли перед ним простой крестьянин? И в самом деле, с хозяйством-то Мендельн помогал без отказа, однако призвания к крестьянскому труду явно не чувствовал. Его всегда привлекало другое – изучение, постижение сути *всего на свете*, будь то жуки, копошащиеся в земле, или слова на каком-нибудь одолженном у Кира пергаменте.

Ульдиссиан тоже умел читать и писать, и достижением этим немало гордился, но видел в нем только практическую пользу. По нынешним временам приходилось заклю-

чать множество договоров, а условия каждого требовалось записать, а затем еще убедиться, что в них все сказано верно... Вот такую грамоту старший из братьев вполне понимал. Ну, а чтение ради чтения, учение ради познания того, что наверняка не пригодится в повседневных трудах... нет, Ульдиссиана подобные увлечения обошли стороной.

Брата, на сей раз приехавшего в деревню вместе с ним, близости не оказалось, однако внимание Ульдиссиана привлекло еще кое-что – посетительница фактории, взглянув на которую он вновь вспомнил о неприятном происшествии в «Кабаньей голове». Поначалу он решил, что перед ним спутница того самого миссионера, подвернувшегося под горячую руку, но затем, когда юная девушка повернулась к нему лицом, крестьянин увидел: нет, ее одеяния совсем не таковы. Грудь ярких лазорево-синих риз украшало золотое изображение барана с огромными витыми рогами. Ниже располагался переливавшийся всеми цветами радуги треугольник, достававший вершиной до самых бараньих копыт.

Остриженные по плечо, волосы девушки обрамляли округлое, пышущее юностью и весьма, весьма миловидное личико. Однако, на взгляд Ульдиссиана, в нем кое-чего не хватало, и это начисто отбивало всякое влечение к ней. Казалось, она – не человек, а лишь пустая видимость, кукла.

Подобных ей – истовых, непоколебимо твердых в собственной вере – Ульдиссиан уже видывал. Видал он и подобные одеяния, и, отметив, что эта девица одна, с внезап-

ным ужасом огляделся вокруг. Эта братия никогда, *никогда* не странствовала в одиночку – только втроем, по одному из каждого ордена...

Серентия принялась показывать ему какие-то дамские безделушки, однако Ульдиссиан слышал лишь ее голос, но не слова. Может, уйти отсюда, от греха подальше?

Но тут рядом с девицей возник еще один тип – человек средних лет, подтянутый, крепкий, с аристократическими чертами лица. Пожалуй, его слегка раздвоенный подбородок и высокий лоб должны были казаться прекрасному полу не менее привлекательными, чем мужчинам – внешность девицы. Одет он был в золотые ризы с глухим стоячим воротником, также украшенные переливчатым треугольником, однако на сей раз над треугольником красовался зеленый лист.

Третьего из их шайки поблизости видно не было, но Ульдиссиан знал: он (или она) наверняка где-то рядом. Служители Церкви Трех надолго друг с дружкой не расставались. Если миссионеры Собора нередко странствовали в одиночку, последователи Трех всегда орудовали тройкой. Проповедовали они путь Троицы, трех духов-покровителей – Балы, Диалона и Мефиса, якобы неусыпно заботящихся о всяком смертном, что твои любящие родители либо благосклонные наставники. Диалон был духом Целеустремленности – отсюда и упрямый баран. Бала воплощал собой Созидание, а символом его служил лист. Мефис же, служитель коего куда-то исчез, был воплощением Любви. Послушники этого ордена

носили на груди изображение красного круга – повсеместно распространенного в Кеджане символа сердца.

Не раз слышавший проповеди представителей всех трех орденов и не желавший рисковать повторением учиненного в таверне скандала, Ульдиссиан отодвинулся в тень. Но тут Серентия поняла, что Ульдиссиан ее больше не слушает. Упершись руками в бедра, она уставилась на него тем самым взглядом, что в детстве неизменно заставлял его уступить.

– Ульдиссиан! Я думала, ты хочешь взглянуть на...

Но он оборвал ее:

– Серри, мне ехать пора. Твои братья собрали, о чем я просил?

Серентия задумчиво поджала губы. Ульдиссиан тем временем не сводил взгляда с пары миссионеров, с головой ушедших в какой-то разговор. Оба казались странно сбитыми с толку, будто что-то пошло не так, как, на их взгляд, полагалось бы.

– Тиль ни о чем мне не говорил, не то я бы раньше узнала, что ты в Сераме. Давай я разыщу его и спрошу? – предложила Ульдиссиану девушка.

– Я с тобой.

Все, что угодно, только бы обойти стороной охотничьих псов Церкви Трех! Церковь была основана за несколько лет до Собора, но теперь их влияние разделилось более-менее поровну. Поговаривали, будто в учение первой уверовал верховный судья Кеджана, тогда как приверженцем второ-

го, по слухам, сделался лорд-генерал кеджанской городской стражи. Распри меж кланами магов, в последнее время граничащие с войной, подтолкнули к поискам утешения в том или другом учении многих и многих.

Но не успела Серентия отвести его на задний двор, как Киру вздумалось окликнуть дочь, и та виновато взглянула на Ульдиссиана.

– Подожди здесь. Я скоро.

– Я Тиля сам поищу, – предложил он.

Должно быть, Серентия заметила быстрый взгляд, брошенный им в сторону миссионеров. В глазах ее тут же отразился упрек.

– Ульдиссиан, ты опять за свое?

– Серри...

– *Ульдиссиан*, эти люди – посланники духовных общин! Они не хотят тебе зла! Если б ты только открылся, если бы выслушал их!.. Нет, я тебя не призываю примкнуть к Собору, или же к Церкви, но проповедуемые ими учения внимания очень даже достойны!

Таким же манером она отчитывала его и прежде, сразу же после недавнего визита в Серам посланников Церкви Трех. Дождавшись их ухода из таверны, Ульдиссиан поднялся и долго распространялся насчет того, что простым людям от *всей* этой братии нет никакого толку. Может быть, проповедники предложили помочь в стрижке овец, или в сборе урожая? Может быть, пособили со стиркой измазанной грязью

одежды, или хоть забор кому починили? Нет, дудки! А в завершение Ульдиссиан, как и при всяком удобном случае, напомнил: приходили они за одним – нашептывать людям в уши, будто *их* секта лучше прочих. Людям, которые едва понимают, что такое ангелы с демонами, не говоря уж о том, чтобы верить хоть в тех, хоть в других!

– Складно говорить они, Серри, могут сколько угодно, но я вижу одно – как они состязаются друг с дружкой: дескать, кто больше дураков завлечет к себе в стадо, тот и молодец!

– Серентия! – снова окликнул дочь мастер Кир. – Поди сюда, девочка!

– Отцу нужна помощь, – уныло сказала она. – Я сейчас. Пожалуйста, Ульдиссиан, веди себя смирно!

С этим она поспешила к отцу. Проводив ее взглядом, крестьянин принялся сосредоточенно изучать товары, выставленные факторией на продажу и для обмена. Кое-что из имевшегося здесь инструмента вполне могло пригодиться на ферме – к примеру, мотыги, лопаты и всевозможные молотки. Ульдиссиан попробовал пальцем остроту лезвия новенького железного серпа. Серпа лучшей работы в селениях вроде Серама было бы не сыскать, однако он слышал, будто на помещичьих фермах в окрестностях Кеджана кое-кто из владельцев выдает работникам стальные. Такие известия впечатляли Ульдиссиана куда сильнее любых речей о духах и душах...

Тут кто-то быстрым шагом прошел мимо, направляясь к

задней двери. Краем глаза крестьянин заметил собранные на затылке золотистые локоны и намек на улыбку, адресованную – в этом сын Диомеда мог бы поклясться – ему.

Не сразу осознав это, Ульдиссиан двинулся следом. Аристократка уверенно, словно у себя дома, скрылась за дверью черного хода фактории.

Не прошло и минуты, как Ульдиссиан тоже выскользнул за нею на задний двор... но поначалу нигде ее не обнаружил. Увидел лишь, что его повозка действительно полным-полна. Тиля на заднем дворе не оказалось, но этому удивляться не стоило: скорее всего, старший из братьев Серентии отправился помогать отцу с другими делами.

Загодя расплатившийся за покупки, Ульдиссиан направился к повозке, но, подойдя, внезапно увидел возле коня нечто ярко-зеленое.

Да, это была она. Стоя по ту сторону четвероногого животного, аристократка что-то бормотала коню, гладила изящной ладошкой конскую морду, а конь Ульдиссиана даже не шевелился – замер, будто замороженный. Вообще-то старый конек животиной был своевольной, норовистой, и подойти к нему, не рискуя оказаться укушенным, мог только тот, кто хорошо его знал. А вот у нее получилось, и крестьянину это говорило очень и очень многое.

Тут аристократка тоже заметила Ульдиссиана. Лицо ее озарилось улыбкой, в глазах словно бы замерцали неяркие искорки.

– Прошу прощения... это твой конь?

– Мой, миледи... и твое счастье, что рук у тебя до сих пор больше одной. Горазд он у меня кусаться...

Аристократка снова погладила конскую морду, и конь по-прежнему даже не шелохнулся.

– О, меня он кусать не станет, – заверила девушка, склонившись лицом к самому носу коня. – Не станешь ведь, верно?

Ульдиссиан едва не бросился к ней, внезапно испугавшись, что она ошибается, но и на этот раз ничего страшного не случилось.

– Когда-то у меня был конь, с виду очень похожий на этого, – продолжала аристократка. – Мне так его не хватает...

– Госпожа, – заговорил Ульдиссиан, внезапно вспомнив, где они оба находятся, – не место тебе здесь. Уж лучше держись с караванщиками. Не хочешь же ты отстать от них?

Порой путешествующие отправлялись в дорогу вместе с купцами – под защитой купеческой охраны. Точно так же, рассудил Ульдиссиан, поступила и она... хотя где же тогда ее свита? Ведь юной девушке опасно путешествовать в одиночку даже под защитой охранников каравана!

– Но я с караваном дальше и не собираюсь, – пробормотала аристократка. – Я вовсе не собираюсь никуда уезжать.

Ульдиссиан не поверил собственным ушам.

– Миледи, да ты, несомненно, шутишь! Что может ждать тебя в деревушке вроде Серамы?

– В любых других местах меня тоже ничто не ждет... так почему б не Серам? – неуверенно улыбнувшись, отвечала она. – И обращаться ко мне «госпожа» да «миледи» совсем ни к чему. Ты можешь звать меня Лилией...

Ульдиссиан открыл было рот, собираясь ответить, но тут услышал скрип распахнувшейся за спиной двери и голос Серентии:

– Вот ты где! Тиля нашел?

Ульдиссиан оглянулся назад.

– Нет, Серри, но все покупки, вижу, на месте.

Вдруг его конь всхрапнул, отпрянул от хозяина прочь. Схватив его под уздцы, Ульдиссиан принялся успокаивать вздорную скотину. Конь тарашил глаза, широко раздувал ноздри, будто чем-то ошеломленный, или напуганный. В чем дело – поди разбери: Серентию он жаловал куда больше, чем самого Ульдиссиана. Что же до аристократки, она...

Аристократка *исчезла*. Ульдиссиан украдкой огляделся, гадая, как ей удалось ускользнуть столь быстро, да еще без малейшего шума. Видеть он мог довольно далеко, однако увидел только несколько других повозок. Куда она могла подеваться, крестьянин не мог даже вообразить. Разве что забралась в одну из тех, крытых?

Слегка озадаченная его поведением, Серентия подошла ближе.

– Что ты ищешь? В повозке не хватает чего-то нужного?

– Нет... как я и говорил, все на месте, – слегка оправив-

шись от изумления, ответил Ульдисиан.

Тут за дверь выскользнул некто знакомый... и в данный момент совсем нежеланный. Будто ища что-то или кого-то определенного, миссионер принялся озираться по сторонам.

– Что с тобой, брат Атилий? – спросила Серентия.

– Я ищу нашего брата Калиджо. Нет ли его где-нибудь здесь?

– Нет, брат, здесь только мы, а больше никого.

Брат Атилий уставился на Ульдисиана... но без обычного религиозного пыла, который крестьянин давно привык видеть в глазах ему подобных. Мало того, во взгляде миссионера таился намек на... на подозрительность?

Кивнув Серентии, Атилий убрался прочь, и дочь Кира вновь повернулась к Ульдисиану.

– Тебе непременно нужно поскорей уезжать? Знаю, рядом с такими, как брат Атилий и те, прочие, тебе неуютно, но... не мог бы ты задержаться, еще немного побыть со мной?

На сердце по какой-то самому Ульдисиану неясной причине стало тревожно.

– Нет... нет, возвращаться пора. И, к слову о поисках братьев: ты Мендельна не видала? Я думал, он здесь, с твоим отцом.

– Ох, надо же раньше было тебе сказать! К нам незадолго до тебя завернул Ахилий. Хотел Мендельну что-то показать, и оба направились в западный лес.

Ульдисиан досадливо крякнул. Мендельн обещал, что к

отъезду домой будет готов вовремя. Обычно брат, давши слово, держал его твердо, однако Ахилий, видать, набрел в лесу на что-нибудь необычное. Величайшей слабостью Мендельна было неумемное любопытство, и уж кому-кому, а охотнику следовало бы знать: этой черты поощрять в нем не стоит. Заинтересовавшись новым предметом для изучения, младший из Диомедовых сыновей забывал о времени начисто.

Конечно, уезжать домой без единственного брата, оставшегося в живых, Ульдиссиан даже не думал, но и в деревне, пока здесь околачиваются посланники Церкви Трех, оставаться не желал.

– Нет, задерживаться я не могу. Поеду на повозке к лесу: надеюсь, там они и отыщутся. А если Мендельн вдруг воротится, разминувшись со мной...

– Да, я передам ему, где ты ждешь, – не скрывая огорчения, подтвердила Серентия.

Чувствуя себя неловко в силу более прозаических причин, крестьянин наскоро – исключительно *дружески* – обнял ее и забрался на козлы. Дочь Кира отступила назад, и Ульдиссиан подстегнул старого конька вожжами.

Когда повозка тронулась с места, он оглянулся назад. Видя его мечтательный взгляд, Серентия просияла, но Ульдиссиан этого словно бы не заметил. Мысли его занимала вовсе не дочь торговца, не девушка с волосами, черными, точно вороново крыло.

Нет, лицо, накрепко запавшее в память, принадлежало другой – той, чьи локоны отливали *золотом*.

Той, чье положение намного, намного превосходило положение простого крестьянина.

Глава вторая

Мендельн прекрасно знал, что брат не на шутку рассердится, но совладать с любопытством никак не мог. Кроме того, это же все Ахилий, честное слово – уж Ахилий-то, по крайней мере, должен был соображать, что к чему!

Разница в возрасте оставшихся в живых сыновей Диомеда составляла добрых девять лет – вполне довольно, чтоб в некоторых отношениях счесть их не братьями, а кем-то еще. Ульдиссиан нередко держался так, будто доводится Мендельну дядюшкой, а то и *отцом*. Правду сказать, согласно его собственным смутным воспоминаниям о патриархе семейства вкупе со всем тем, что в последующие годы рассказывали Кир, Тибион и еще кое-кто из стариков, Ульдиссиан вполне мог бы сойти за брата-близнеца Диомеда – и с виду, и по характеру.

Кое-какие общие черты у Мендельна с братом имелись, однако ростом он был ниже Ульдиссиана на целых полфута и, хотя труд земледельца поневоле укреплял мускулы, значительно уступал ему в силе. Узкое, вытянутое лицо Мендельн – так люди говорили – унаследовал от матери, а его необычайно черные глаза блестели, как темные самоцветы. Откуда такие взялись, никто в деревне сказать не мог, но Мендельн еще в детстве обнаружил вот что: устремленный в упор, его взгляд мог обескуражить кого угодно, кроме брата, да охот-

ника, с которым он отправился в лес.

– И что ты об этом скажешь? – пробормотал Ахилий, державшийся позади.

Мендельн с трудом оторвал взгляд от изумительной находки охотника. Ахилий был светловолос, жилист и почти так же высок, как Ульдиссиан. В отличие от Мендельна, одетого почти как брат, если не брать в расчет более темной рубахи, носил он зеленый с коричневым костюм из штанов и кожаной куртки, прекрасно сливающийся с лесными зарослями. В сапогах мягкой кожи Ахилий шел по лесу беззвучно, словно любой зверь, а за худобой его, свидетельствующавшей о проворстве, скрывалась недюжинная сила. Как-то брат Ульдиссиана попробовал выстрелить из длинного лука, отрады и гордости Ахилия, но даже тетивы натянуть не сумел. По-ястребиному горбоносый, лучник был не просто лучшим в своем ремесле среди жителей Серам, но – по крайней мере, насколько Мендельн мог судить – мог бы дать фору многим охотникам со всего света. Не раз наблюдавший, как Ахилий состязается в мастерстве с бывалыми воинами из охраны караванов, что проходили через Серам, Мендельн ни разу не видел друга побежденным.

– Похоже... похоже, древняя штука, – наконец отвечал он.

Больше он не смог сказать ничего, и немного смутился: уж *это-то* Ахилий наверняка сообразил сам. Однако охотник кивнул, будто внемля речам высокоученого мужа. На полдесятка с лишним лет старше, с младшим из Диомедовых сы-

новой он держался так, будто Мендельн являл собой кладезь мудрости всего мира. В том заключалось одно из немногих разногласий меж Ахилием и Ульдиссианом, который не видел в познаниях брата никакой практической пользы, хоть и не препятствовал его заумным изысканиям.

Лучник запустил пятерню в густую, точно львиная грива, копну волос.

– Понимаешь, в чем тут загвоздка... Я в этих местах бывал много раз, и могу поклясться: раньше его здесь не было!

Мендельн молча кивнул и вновь повернулся к находке товарища. Зоркости глаз Ахилия он мог только завидовать, собственное же зрение нередко вынуждало Мендельна склоняться над пергаментами как можно ниже, дабы разобрать в дорогих его сердцу письменах хоть словечко.

К этой же штуке он придвинулся особенно близко, так как непогода и время во многих местах стерли символы, вырезанные на ее поверхности, почти без остатка. Некоторых Мендельн не смог бы разобрать, даже уткнувшись в камень носом. Находящийся перед ним предмет явно подвергался воздействию природных сил с давних-предавних пор, однако как это могло получиться, если он, согласно утверждению Ахилия, только-только тут появился?

Припав перед камнем на колено, Мендельн оценил его размеры. Стороны квадратного основания чуть больше длины ступни; в высоту, если встать рядом, на ширину ладони ниже колена, а плоская верхушка уступает размерами осно-

ванию примерно вдвое... Да, при такой величине не заметить резного камня невозможно было никак.

Мендельн пощупал землю у основания.

– А вокруг в последнее время ничего не изменилось?

– Нет.

Младший сын Диомеда едва ли не благоговейно обвел кончиками пальцев очертания одного из самых разборчивых символов. «Разборчивых», правда, в том смысле, что он мог их разглядеть – понятнее они от этого не становились. Один, особенно выдающийся, представлял собой этакую замкнутую загогулину, спираль без начала и без конца. Стоило прикоснуться к нему, и от спирали словно повеяло невероятной древностью.

Мендельн невольно покачал головой. «Нет, не древностью – вечностью», – подумал Ульдиссианов брат.

На этой неожиданной мысли разум, ни с чем подобным раньше не сталкивавшийся, слегка споткнулся. Вечность... Как же такое возможно?

Сам камень был черен, однако резные символы блестели, как серебро – еще одно изумительное обстоятельство, так как тут дело явно было не в краске. Да и резьба... пожалуй, такого искусного резчика не найти ни в Сераме, ни даже в любом крупном поселении западных областей!

Только тут Мендельн и осознал, что Ахилий трясет его за плечо. Зачем бы это?

– Что?

Тревожно нахмурившись, лучник с опаской склонился к нему.

– Ты до него дотронулся и тут же замер! А после этого долгое время глазом не моргнул и, клянусь, даже дышать перестал!

– А я... а я и не заметил.

Мендельну тут же ужасно захотелось дотронуться до резного камня еще раз и поглядеть, повторится ли то же самое, вот только Ахилию это, следовало полагать, пришлось бы не по душе.

– Ты сам его до этого трогал?

Лучник надолго замялся.

– Да, – наконец отвечал он.

– Но с тобой ничего подобного не произошло, верно?

Вспомнив о чем-то, Ахилий вмиг побледнел.

– Нет. Нет.

– Так что же случилось? Что ты такое почувствовал?

– Почувствовал... почувствовал я пустоту, Мендельн. Пустоту, напомнившую о... о *смерти*.

Как охотник, со смертью светловолосый Ахилий имел дело чуть ли не каждый день. Обычно то была смерть им же убитой дичи, однако случалось так, что столкнувшись с диким вепрем, рысью или медведем, он на время становился дичью сам. Но тон, которым Ахилий заговорил о смерти сейчас, придавал этому слову новый, куда более зловещий смысл, как ни странно, не пробудивший в сердце товарища

страха, а лишь подстегнувший его любопытство.

– О *какой* смерти? – в азарте спросил Мендельн. – Можешь подробнее объяснить? Возможно, тебе...

Внезапно замкнувшись, окаменев лицом, Ахилий прервал его резким взмахом руки.

– Нет. Это все. После я сразу же пошел за тобой.

Очевидно, охотник о многом умалчивал, но брат Ульдисиана решил не настаивать на продолжении. Возможно, со временем, мало-помалу, он и без того все узнает, а сейчас ему было вполне довольно камня с загадочными письменами.

Нашарив поблизости обломок сухой ветки, Мендельн разрыхлил землю у основания камня. Похоже, таинственный памятник уходил в почву на изрядную глубину – но как глубоко? Может, там, под поверхностью, куда больше, чем на виду?

Тут ему снова ужасно захотелось коснуться камня, но на сей раз – обхватить обеими руками и посмотреть, нельзя ли извлечь его из земли. Насколько удобнее было бы изучать находку дома, на ферме, никуда не спеша...

При этой мысли Мендельн вскинулся, точно ужаленный.
«Ферма! Ульдисиан!»

Вскочив на ноги, он здорово напугал обычно невозмутимого Ахилия. Похоже, находка растревожила лучника до глубины души: таким Мендельн его еще не видал. Всю жизнь славившийся бесстрашием, сейчас Ахилий взирал на Мен-

дельна так, точно искал у него поддержки – определенно, впервые.

– Возвращаться надо, – объяснил он охотнику. – Наверное, Ульдиссиан меня уже обыскался.

Огорчать старшего брата Мендельну вовсе не хотелось, пусть даже Ульдиссиан никогда не выказывал подобных чувств. О жутком бремени, легшем на Ульдиссиановы плечи после болезни и смерти родных, он не забывал ни на миг. Не забывал, и потому – не говоря об иных более мелких причинах – чувствовал себя перед старшим братом в долгу.

– А с *этим* как же? – проворчал Ахилий, указав луком в сторону камня. – Просто так и оставим?

– Ветками закидаем, – чуточку поразмыслив, отвечал Мендельн. – Помогай!

Оба принялись собирать палые сучья и ветви густолистных кустов. Вскоре камень был надежно упрятан от посторонних глаз, однако Мендельну казалось, будто артефакт до сих пор может обнаружить первый встречный. Поразмыслив, не прикрыть ли находку получше, он все-таки решил оставить все как есть, но при первом же удобном случае вернуться сюда.

Сосредоточившись на обратном пути, Мендельн не сразу заметил странную, совершенно неожиданную перемену погоды. С утра день был довольно ясным, безоблачным, но теперь на западе, точно предвещая нешуточную грозу, начали собираться тучи, да и ветер заметно усилился.

– Странное дело, – пробормотал Ахилий, очевидно, тоже

заметивший перемену погоды только сейчас.

– Уж это точно.

Ветер, да и погоду вообще, брат Ульдиссиана мерил не охотничьей меркой, как спутник, но с точки зрения скорости и направления воздушных течений и прочего тому подобно-го. С наблюдениями за погодой сообразовывал он все стороны крестьянской жизни, и тут уж даже Ульдиссиан, знавший о погоде одно – как она сказывается на посевах да на скотине, а по поводу умствований брата вечно качавший головой, вынужден был признать: да, в кои-то веки Мендельн придумал нечто, малость облегчающее каждодневный труд.

Тучи быстро сгущались. О странностях погоды Мендельн не сказал Ахилию больше ни слова, но, стоило лучнику на шаг опередить его, оглянулся назад, в сторону камня.

Оглянулся... и призадумался.

* * *

Ульдиссиан тоже заметил странную перемену погоды, однако отнес ее на счет тех самых капризов природных стихий, к которым, крестьянствуя, давным-давно по привычке. Думал он об одном – чтобы Мендельн, куда бы Ахилий его ни уволок, поскорее вернулся в деревню. По всему судя, братьям и без того предстояло проделать часть пути домой под дождем. Тучи, внезапно собравшиеся над головой, предвещали грозу необычайной силы, но Ульдиссиан надеялся, что гроза ма-

лость повременит, подождет, и лишь после обрушит на землю всю свою мощь. Если до ливня им с Мендельном удастся хотя бы миновать развилку в низине, где дорогу часто заливает, дальше все будет в порядке.

Сидя на козлах, крепко сжимая вожжи, он вглядывался в даль – туда, куда, по словам Серентии, ушли Мендельн с Ахилием. Должны же они заметить то же, что и он, и сообщить: пора возвращаться... по крайней мере, Ахилий уж точно должен!

За ожиданием в памяти снова всплыло лицо, обрамленное золотом. Да, Ульдиссиан видел красавицу-аристократку всего дважды, и то мельком, но знал, что лицо ее забудет не скоро. И дело тут было не просто в красоте, очень даже запоминающейся сама по себе, но в манере держаться и разговаривать. Имелось в этой аристократке нечто, внушавшее невольное стремление оберегать ее, как никого другого... будь то хоть младший брат в дни смерти родных.

«Лилия...»

Это имя крестьянин мысленно повторял снова и снова, наслаждаясь его почти музыкальной красотой.

В небе зарокотал гром, заставив вернуться из прошлого в настоящее. Вспомнив о Мендельне, Ульдиссиан поднялся, чтоб лучше видеть, что там, впереди. Теперь-то оба наверняка вот-вот вернуться в Серам...

И тут его внимание привлекло нечто зеленое, мелькнувшее на опушке, но вовсе не лесная зелень охотничьего наря-

да Ахилия. Нет, эта зелень отливала изумрудом, что тут же заставило Ульдиссиана вскинуться, напрочь забыв о брате и друге.

Лилия медленно шла к лесу, прочь от безопасных пределов деревни. Судя по ее безучастности, она, вполне возможно, даже не замечала угрожающе хмурящихся небес. А ведь грозы в эти края могли в один миг разгуляться так, что рвали с корнями деревья...

Спрыгнув с козел, Ульдиссиан привязал повозку и побежал догонять аристократку. Устремился он за Лилией отчасти потому, что тревожился о ней, а отчасти из-за какого-то странного волнения. Разумеется, насчет собственных шансов на благосклонность особы ее происхождения он вовсе не заблуждался, однако при мысли хотя бы о новой встрече, о разговоре с красавицей-аристократкой сердце в груди застучало, как бешеное.

Едва Ульдиссиан вновь увидел ее, ветер усилился вдвое, но, несмотря на буйство ненастья, Лилия по-прежнему словно не замечала ничего вокруг. Губы ее были поджаты, взгляд устремлен под ноги – очевидно, отягощавшее ее думы бремя весило немало.

Как Ульдиссиан ни спешил, а догнать ее смог, только порядком углубившись в лес. Приблизившись, рослый крестьянин протянул мускулистую руку, но тут же опомнился: пугать девушку сверх нужды ему ничуть не хотелось.

Не видя иного выхода, Ульдиссиан звучно откашлялся.

Лилия резко выпрямилась и оглянулась на звук.

– Ах, это ты!

– Прощенья просим, миледи, но...

На губах ее тут же заиграла робкая улыбка.

– Я же сказала: для тебя я – Лилия. Той, кем я была прежде, мне больше уже не стать. Однако, – добавила она, видя недоумение Ульдиссиана, – как же мне называть тебя, сэр крестьянин?

Ульдиссиан и думать забыл, что сам ей так и не представился.

– Я – Ульдиссиан, сын Диомеда.

Тут новый раскат грома напомнил ему, что творится вокруг.

– Ми... Лилия, не стоит тебе здесь гулять. Похоже, гроза назревает нешуточная! Укройся-ка лучше, скажем, в таверне. Таверна – одна из самых крепких в Сераме построек.

– Гроза?

Подняв взгляд к небу, Лилия словно впервые заметила перемену погоды. Тучи сгустились настолько, что день едва не обернулся ночью.

Рискуя навлечь на себя ее возмущение, Ульдиссиан, наконец, взял Лилию за запястье.

– Да, и, сдается мне, времени у нас – всего ничего!

Но Лилия устремила взгляд в другую сторону... и миг спустя негромко ахнула.

Взглянув туда же, куда и она, Ульдиссиан не увидел ниче-

го примечательного. Однако аристократка застыла на месте, словно увиденное потрясло ее до беспамятства.

– Лилия... Лилия, что там?

– Кажется, я... кажется, там... но нет...

Крестьянин шагнул к ней, встал рядом, но и после этого никаких причин для тревоги разглядеть не сумел.

– Где «там»? Что ты такое увидела?

– Вон! – воскликнула Лилия, указывая в сторону особенно густых зарослей. – Я... кажется...

Как ни велик был соблазн попросту увести ее в деревню, а сюда воротиться после грозы, столь бурная реакция внушила Ульдиссиану тревогу: что ж там такого страшного? И тут ему разом вспомнился Мендельн. Мендельн, не вернувшийся из лесу до сих пор.

– Останься здесь.

На ходу вынимая нож, Ульдиссиан двинулся к зарослям.

Подлесок становился все гуще и гуще, а дикие травы порой достигали пояса. Как Лилии удалось там что-либо разглядеть, он не понимал, но был уверен: страхи ее не напрасны.

Стоило ему приблизиться к нужному месту, волосы на затылке поднялись дыбом. Охваченный ужасом, дюжий крестьянин едва не попятился назад.

Ноздри защекотал слабый, но тошнотворный запах, немедленно вызвавший в памяти воспоминания о чуме, о судьбе родных...

Подходить хоть на шаг ближе отчаянно не хотелось, и все же Ульдиссиан шагнул вперед.

Открывшаяся картина заставила крестьянина пасть на колени – только так ему и удалось удержать в желудке недавний обед. Нож выскользнул из пальцев, совершенно забытый перед лицом ужасного зрелища.

На клочке земли у подножья первых деревьев распростерлось то, что было некогда человеком (по крайней мере, упавшему на колени Ульдиссиану показалось именно так). Торс убитого был умело рассечен снизу доверху – примерно так же крестьянин рассек бы тушу забитой коровы. Заливавшая все вокруг кровь местами превращала землю в багровую топкую грязь. Потроха жертвы частично вывалились наружу; над источающей жуткую вонь поживой уже кружили целые полчища мух.

Похоже, взрезанное вдоль туловище показалось убийце не слишком ужасным: горло убитого тоже было рассечено, но не вдоль, а поперек, да так, что в рану свободно вошел бы кулак. Листья и прочий лесной сор украшали залитое кровью лицо, точно некое причудливое, устрашающее праздничное блюдо. Приглядевшись к убитому так и сяк, Ульдиссиан решил, что человек этот – примерно его ровесник, с черными волосами, слипшимися от запекшейся крови – ему незнаком.

Только остатки разодранных в клочья одежд и позволили Диомедову сыну понять, кому же настолько не посчастливи-

лось. Одного цвета риз для этого было вполне довольно, а уж символ ордена миссионера сомнений не оставлял.

Убитым был брат Калиджо, пропавший служитель Церкви Трех.

Сдавленный вскрик за спиной заставил крестьянина вздрогнуть. Обернувшись, Ульдиссиан увидел позади Лилию, уставившуюся на жуткое зрелище во все глаза.

Внезапно красавица побледнела, закатила глаза под лоб, так, что зрачки их совершенно скрылись из виду... и начала оседать наземь.

Вскочив на ноги, Ульдиссиан ухитрился поймать ее за миг до того, как она упадет, и замер с бесчувственной девушкой на руках, не зная, что делать дальше. Наверное, об убийстве следовало кому-то сообщить – к примеру, капитану Тиберию, командующему серамской стражей, да и деревенскому старосте, Дорию, тоже узнать об этом не помешает...

Но тут аристократка на руках застонала, и Ульдиссиан решил, что первым делом следует позаботиться о Лилии.

По счастью, нести ее рослому, широкоплечему крестьянину оказалось нетрудно. Шел Ульдиссиан как можно скорее, стараясь не подвергать опасности драгоценную ношу. По пути он постоянно смотрел под ноги: всякий неверный шаг мог завершиться падением.

С великим облегчением Ульдиссиан добрался до деревенской околицы. В небе по-прежнему грохотало, но гроза пока не началась.

– Ульдиссиан!

Услышав оклик, крестьянин споткнулся, едва не выронив Лилию, но удержал равновесие и оглянулся на голос.

При виде спешащих к нему Мендельна с Ахилием великий страх в сердце рассеялся, исчез без следа. Оба явно тоже только что воротились в деревню. Мендельн слегка запыхался, а необычайная бледность Ахилия, надо думать, вполне могла бы сравниться с бледностью старшего из Диомедовых сыновей... хотя о его жуткой находке Ахилий наверняка знать не мог.

– Там, позади, в лесу – мертвое тело! – прорычал Ульдиссиан, как только оба остановились рядом. – На опушке, где лес начинает густеть!

– Несчастный случай? – пробормотал охотник, не сводя глаз с ноши крестьянина.

– Нет...

Ахилий угрюмо кивнул, наложил на тетиву вынутую из колчана стрелу и без колебаний направился в ту сторону, куда указывал Ульдиссиан.

– А с ней что? – спросил Мендельн. – Кто это? Ранена?

– Просто сомлела. Она тоже видела тело, – пояснил съедаемый недобрыми предчувствиями Ульдиссиан.

Он надеялся, что Лилия вот-вот очнется, но та по-прежнему безжизненным грузом покоилась у него на руках.

– Может, к Джорилии ее отнести?

Джорилия была серамской целительницей, преклонных

лет женщиной, кое-кем полагаемой чуть ли не ведьмой, но всеми уважаемой за мастерство в своем ремесле. Именно она давала братьям травяные снадобья, по крайней мере, немного облегчавшие страдания захворавших родных. И Ульдиссиану, и Мендельну она помогла куда больше, чем все молитвы на свете, взятые вместе.

Ульдиссиан покачал головой.

– Ей просто надо бы отдохнуть. Должно быть, в «Кабаньей голове» у нее имеется комната, вот только... вот только нельзя же ее в таком виде туда с парадного хода тащить...

– В таверне есть задняя дверь, совсем рядом с лестницей, ведущей наверх, – куда спокойнее, чем всякий другой в этом положении, сказал Мендельн. – Ты внесешь ее со двора, а я войду с улицы, тихонько переговорю с Тибионом и выясню, какая из комнат занята ею.

Предложение брата показалось Ульдиссиану разумным.

– Так и сделаем, – с облегчением выдохнул он.

Мендельн окинул его пристальным взглядом, возможно, заглянув в душу брата куда глубже, чем бы тому хотелось. Для младшего из Диомедовых сыновей Лилия была совершенно чужой, однако Ульдиссиан явно знал ее лучше.

Решив отложить объяснения на потом, Ульдиссиан поспешил к таверне. Мендельн, нагнав его, зашагал рядом. Занятые делом, оба умолкли.

Благодаря внезапному ненастью, от изумленных встречных прятаться не пришлось. Сие обстоятельство Ульдиссиа-

на порадовало, но в то же время и раздосадовало не на шутку: да, ему хотелось благополучно доставить Лилию в таверну, однако о зверском убийстве следовало поскорей сообщить властям. В конце концов он рассудил, что стражникам либо старосте обо всем наверняка расскажет Ахилий, и на том успокоился.

Едва они подошли к «Кабаньей голове», Мендельн двинулся дальше, а Ульдиссиан обогнул дом со двора, отыскал заднюю дверь и после некоторых ухищрений внес аристократку внутрь, ни на миг не выпустив ее из рук.

Внутри он, не тратя времени даром, направился к деревянной лестнице. По счастью, немногочисленные гости таверны как раз отвернулись к брату, очевидно, нарочно подгадавшему с появлением так, чтобы войти одновременно с Ульдиссианом. Взбегая по ступеням наверх, Ульдиссиан услышал, как Мендельн приветствует нескольких завсегда-таев чуточку громче обычного.

Наверху крестьянин остановился и принялся ждать. Казалось, в ожидании прошла целая вечность, но вот, наконец, младший брат поднялся к нему.

– Нет у нее здесь комнаты, – сообщил Мендельн, – так что пришлось договариваться с Тибионом, чтоб предоставил и на наш счет записал. Ты ведь не против?

Ульдиссиан, кивнув, обвел взглядом двери пяти комнат для постояльцев.

– Которая?

– Вот эта, – отвечал брат, указывая на одинокую дверь в стороне от других. – Там будет спокойнее.

Взглянув на брата с мрачным одобрением, Ульдиссиан знаком велел отворить дверь. В захолустном Сераме комнаты для проезжающих были обставлены более чем скромно. Кроме деревянной кровати под опущенным пологом, стола и кресла у единственного окна, другой мебели внутри не имелось. Под вбитыми в стену крюками для плащей и прочей верхней одежды было оставлено место для сумок или сундука постояльца.

Последнее Мендельн заметил еще до того, как Ульдиссиан успел хоть что-то сказать.

– Должно быть, ее пожитки – там, у караванщиков. Давай я дойду до Серентии, и мы позаботимся о них?

Втягивать в это дело дочь Кира очень не хотелось, но других вариантов Ульдиссиану в голову не приходило.

– Давай.

У порога Мендельн приостановился и, встретившись с братом взглядом, спросил:

– Откуда ты ее знаешь?

– Случайно познакомились, – коротко ответил Ульдиссиан.

Слегка помедлив, Мендельн кивнул и вышел, а крестьянин, бережно опустив аристократку на кровать, задержался, чтобы еще раз взглянуть на нее. «Что же могло заставить ее странствовать по миру в одиночку?» – подумал он, вновь по-

раженный совершенством ее красоты. Ведь среди множества богатых аристократов для Лилии наверняка нашелся бы достойный супруг. Может, она в кровном родстве с каким-нибудь потерпевшим поражение кланом магов? Это могло бы все объяснить...

Едва он подумал об этом, Лилия открыла глаза, ахнула и поспешила сесть.

– Что... что случилось?

– Ты помнишь лес?

Вновь ахнув, Лилия прикрыла губы ладонью.

– Так, значит... так, значит, все это было правдой? Все, что я... видела?

Ульдиссиан кивнул.

– И ты... и ты принес меня сюда... только где это мы?

– В «Кабаньей голове». Другого постоянного двора в Сераме нет, гос... то есть, Лилия. Мы думали, у тебя здесь, вероятно, имеется комната.

– Но у меня нет здесь никакой...

– Мой брат позаботился об этом, так что комната у тебя теперь есть, – пожав плечами, объяснил Ульдиссиан. – А Мендельн пошел к караванщикам, за твоими вещами.

Лилия надолго задумалась, пристально глядя Ульдиссиану в глаза.

– Мендельн и твой брат... это, как я понимаю, одно и то же лицо?

– Да.

Аристократка кивнула собственным мыслям.

– А... а тело? – спросила она.

– А им занялся мой друг. Уж он-то, Ахилий, точно сделает все, как надо – и стражу, и нашего старосту предупредит.

Ничуть не заботясь о том, что помнет роскошное платье, Лилия обхватила руками поджатые к подбородку колени.

– А тот... тот человек, которого мы нашли, тоже твой друг?

– Этот? – Ульдиссиан покачал головой. – Нет, этот – какой-то треклятый миссионер... из Церкви Трех. Я слышал, как спутники его разыскивали, – пояснил он, и тут вспомнил кое о чем еще. – Они прибыли с караваном. Может, ты...

– Да, я их видела, но разговаривать с ними – не разговаривала. Не верю я их проповедям... да и проповедям посланцев Собора, к слову заметить, тоже.

От этого признания, столь близкого его собственным взглядам, на сердце почему-то сделалось гораздо легче, однако крестьянин немедля упрекнул себя в душевной черствости. Как бы ни претила Ульдиссиану стезя убитого, такой ужасной кончины тот не заслуживал.

Подумав об этом, Ульдиссиан понял: так дела оставить нельзя. Обнаружив убитого миссионера первым, он должен сообщить деревенским властям все, что он знает.

А что же аристократка? Крестьянин задумчиво изогнул бровь. Упоминаний о Лилии он будет избегать, насколько это возможно. Лилия и без того натерпелась.

– Оставайся здесь, – велел он, сам изумляясь тому, как разговаривает с особой из высшей касты. – Оставайся здесь и отдохни. Я должен увидеться с теми, кто будет заниматься убийством. Тебе со мной ходить ни к чему.

– Но ведь и мне следует с ними поговорить... разве не так?

– Только если возникнет надобность. В конце концов, ты видела не больше моего. И с убитым, как и я, не знакома.

Лилия не возразила ни словом, но у Ульдиссиана сложилось отчетливое впечатление, будто она прекрасно понимает: оберегая ее, он рискует собственной репутацией.

Помолчав, аристократка вновь улеглась на подушки.

– Хорошо, если тебе так угодно. Я буду ждать от тебя известий.

– Вот и ладно.

С этим Ульдиссиан, составляя в уме объяснения, направился к двери.

– Ульдиссиан!

Крестьянин оглянулся на оклик.

– Спасибо тебе, Ульдиссиан.

Покрывшись румянцем, крестьянин шагнул за порог, и, несмотря на изрядную дородность, бесшумно спустился вниз. У подножия лестницы он приостановился и бросил взгляд в общий зал. Все, кого ему удалось разглядеть, держались как ни в чем не бывало, а это значило, что вести о трупе ушей их, спасибо сдержанности Ахилия, еще не достигли. Вскоре Серам будет здорово потрясен: последнее убийство в

деревне случилось больше четырех лет тому назад, когда старый Ароний, изрядно «под мухой», повздорил с подвыпившим пасынком, Геммелем, из-за прав на земельные угодья, и вышел из схватки победителем. Едва протрезвившись, Ароний признал за собою вину и был увезен на телеге в большой город, расплачиваться за содеянное по совести и по закону.

Однако кровавая расправа, свидетелем коей сделался Ульдиссиан, была учинена вовсе не с пьяных глаз. Это, скорее, напоминало работу какого-нибудь безумца либо злодея, причем наверняка пришлого – скажем, разбойника, проходящего через окрестные земли.

С каждым шагом убеждаясь в верности этой догадки все крепче, Ульдиссиан поклялся завести о ней речь в разговоре со старостой и командиром стражи. Серамцы с радостью вызовутся прочесать окрестности в поисках этого ублюдка, и на сей раз с преступлением разберутся здесь, на месте: добрая прочная веревка завершит дело, как подобает. Большого такой зверюга не заслужил.

Отворив заднюю дверь, он тихо выскользнул наружу...

– Вот он! Вот человек, о котором я говорил!

От неожиданности Ульдиссиан отпрянул назад, замер в дверном проеме. Перед ним стоял Тиберий – быкоподобный здоровяк, с которым крестьянин частенько боролся в дни ярмарок и чаще *проигрывал*, чем побеждал, а с ним – седоволосый, похожий на лиса Дорий, тарачившийся на Ульдиссиана так, будто видел его впервые в жизни. За ними столпи-

лась еще добрая дюжина человек, большей частью из стражников, но кроме того среди них обнаружился и Ахилий... и двое заезжих служителей Церкви. Тот, что постарше, слова эти и произнес, да еще обвиняюще ткнул в ошарашенного крестьянина пальцем.

Придя в себя, он перевел взгляд на охотника.

– Ты им все рассказал?

– Не разговаривай с ним, охотник, – вмешался Дорий, прежде чем Ахилий успел ответить. – Не время. До выяснения всех обстоятельств – рот на замок!

– Обстоятельства уже *известны!* – объявил посланник Церкви Трех. – *Ты* во всем и виноват! Твои же собственные слова тебя и изобличают! Покайся же – хотя бы ради спасения души!

Его спутница, юная девица, кивала в такт каждому слову. В эту минуту, указующий на крестьянина, обличитель отнюдь не казался ни мирным, ни праведным.

Сдержаться, не позволить отращению к служителю Церкви взять верх над разумом, стоило Ульдиссиану немалых трудов. Если крестьянин верно понял этого человека, его только что обвинили в том самом убийстве, о котором он собирался сообщить властям!

– Я? Думаешь, это *моя* работа? Клянусь звездами, мне бы взять тебя, да...

– Ульдиссиан, – негромко, взволнованно пробормотал Ахилий.

Сын Диомеда взял себя в руки.

– Ахилий! – сказал он, повернувшись к лучнику. – Это же я сказал тебе, где искать тело! Ты и лицо мое видел, и...

Тут он запнулся, не желая втягивать в разбирательство Лилию.

– И вообще всю жизнь меня знаешь! А ты, Дорий, с покойным отцом дружил! Так вот, могилой его поклянусь: я – не тот зверь в человеческом облике, что подло зарезал товарища этого пустоголового болтуна!

Ульдиссиан добавил бы и еще кое-что, но староста взмахом руки велел ему замолчать.

– Говорим мы, Ульдиссиан, сейчас не о *нем*, – сурово откликнулся Дорий. – Нет, речь о другом... хотя, может быть, нам и к этому вскоре нужно будет вернуться: в подобные совпадения я, знаешь ли, не верю.

– О другом? О каком еще «о другом»?

Капитан Тиберий щелкнул пальцами. Полдюжины человек – полдюжины человек, знакомых Ульдиссиану с детства – немедля двинулись вперед и обступили крестьянина со всех сторон.

– Дорий, – вмешался Ахилий, – без этого что же, никак? Это ж *Ульдиссиан*.

– При всем уважении к твоему речительству, юный Ахилий, таков наш долг, – сказал староста, кивнув окружившим Ульдиссиана. – А ты, Ульдиссиан, не волнуйся: уверен, мы во всем разберемся. Но пока позволь уж нам поступать, как

требует положение!

– Да за что же меня?..

– Как подозреваемого в человекоубийстве, – буркнул капитан Тиберий, поглаживая рукоять меча у пояса.

При оружии командира стражи Ульдиссиан, за все те годы, что знал его, видел всего несколько раз. Обычно меч он носил лишь по случаю упомянутых выше ярмарок и прочих торжеств.

Единственным исключением был день убийства Геммеля.

– Да я же говорю: *не убивал* я его товарища, не убивал! – взревел крестьянин, отчаянно замотав головой.

– Так речь и не о нем, – объявил Дорий, – а о другом человеке тех же занятий, отчего положение, юный Ульдиссиан, становится еще хуже. Убитым нашли посланника Собора Света, вот какие дела...

– Того самого, что...

Ульдиссиан осекся: в голове его все перемешалось.

«Но я же совсем недавно с ним разговаривал! Меньше часа назад, а может, и получаса с тех пор не прошло!»

Разговаривал... а в разговоре – угрожал ему, да еще при свидетелях...

– Ага, вижу, ты его помнишь. Да, юный Ульдиссиан, почтенный посланец Собора был найден с перерезанным горлом... а *нож*, в ране оставленный – твой!

Глава третья

На внутреннее убранство штаб-квартиры стражи Ульдиссиан никогда особого внимания не обращал. Сколько раз проходил мимо – не счесть, но под арест за выпивку либо драку в жизни не попадал, а потому и внутри побывать повода у него раньше не находилось.

Однако теперь он сидел под замком, за решеткой одной из двух комнат в дальнем углу здания. Чтобы попасть сюда, посетителям – и заключенным – требовалось миновать дощатую внутреннюю дверь и пройти небольшим коридором. Сидя в ближней из камер, Ульдиссиан чувствовал себя полностью отрезанным от всего мира. Стул, стол и кровать ему заменяла обшарпанная деревянная лавка. Провел он здесь уже четыре дня, в течение двух из которых хозяйство оставалось, можно сказать, без присмотра. Между тем посевы нуждались в прополке и поливе, за скотиной требовался уход!.. Да, обо всем этом обещал позаботиться Мендельн, но Ульдиссиан подозревал, что в одиночку младшему с хозяйством не справиться – особенно в тревоге за старшего брата. Мало этого: та, первая гроза, словно в насмешку, почти сразу же унялась, не учинив особого буйства, однако тучи застилали небо над Серамом до сих пор, заставляя опасаться, как бы за этой бурей не последовала еще одна, и, может быть, много сильнее. На первый раз ферме Ульдиссиана повезло, но вто-

рое ненастье вполне могло разорить хозяйство.

Впрочем, Ульдиссиан понимал: о ферме сейчас следует волноваться в последнюю очередь. Обстановка вокруг убийств складывалась куда хуже, чем он мог бы вообразить. Оба убитых принадлежали к влиятельным сектам, и посему Дорий счел себя обязанным отправить весточку в Тулисам, где и у Церкви, и у Собора имелись постоянные штаб-квартиры. Дорий просил представителей какой-либо секты, либо обеих, прибыть в Серам и помочь в разбирательстве. Вместе с гонцами отправились в путь и оставшиеся в живых миссионеры, дабы лично изложить вышестоящим обстоятельства дела. Вдобавок, снова и снова заверяя Ульдиссиана, будто в итоге все кончится благополучно, староста неуклонно настаивал на том, чтоб капитан Тиберий все это время держал Диомедова сына под замком – не то, дескать, в беспристрастности серамского суда могут возникнуть сомнения.

Случившееся со вторым миссионером потрясло Ульдиссиана до утраты дара речи. Согласно тому, что рассказал ему позже бессменный начальник деревенской стражи, посланник Собора был найден лежащим на спине, с лицом, искаженным «всепоглощающим», как позволил себе выразиться Тиберий, ужасом, а из груди его торчал нож крестьянина, деревянную рукоять коего Ульдиссиан украсил собственной меткой.

По сравнению с телом, обнаруженным им самим, второе осталось почти нетронутым, но преступление от этого менее

страшным не становилось. Правду сказать, трагедий с таким множеством жертв в деревне не помнили со времен прихода чумы... той самой чумы, что свела в гроб родных Ульдиссиана.

Серентия, навещавшая его каждый день, всякий раз передавала узнику слова ободрения от многих других – от тех, кто не мог его навестить. Все знавшие его были согласны: Ульдиссиан совершенно ни в чем не виноват, а одному из рискнувших предположить обратное Ахилий уже успел подбить глаз.

Сидя на лавке, подпирая ладонями подбородок, Ульдиссиан размышлял, но не о себе – о Лилии. С тех пор, как его посадили за решетку, аристократка не заглянула к нему ни разу, да он на это и не рассчитывал. Напротив, крестьянин надеялся, что она и впредь будет держаться в стороне, не то и ее, чего доброго, втянут в это безумие. «Скоро, скоро», – уверял он себя самого. Скоро его отпустят, и тогда они смогут встретиться снова.

Если, конечно, она вправду останется в Сераме...

Мысли о том, что аристократки ему больше никогда не увидеть, распалили и без того едва сдерживаемое нетерпение еще сильнее. Казалось, вся его жизнь обернулась каким-то кошмарным сном. Подобного Ульдиссиан не чувствовал даже после смерти родных, но теперь память о них тоже прибавила тяжести жуткому, непосильному грузу, свалившемуся на его плечи.

В который уж раз ему чудилось, будто стены крохотной камеры придвигаются ближе и ближе! Родившийся и выросший на ферме, Ульдиссиан в жизни не знал, что такое неволя. Когда умерла мать, он убежал в поля и завопил от нестерпимой муки, зная, что никто, кроме брата, его не услышит.

«Выбраться бы отсюда... выбраться бы отсюда...»

Эти слова звучали в голове без умолку и с каждым повторением будто бы набухали, обретали все больший вес. Не в силах смириться с замком и решеткой, Ульдиссиан не сводил мутного взгляда с двери. Что ж он – *скотина*, чтобы в загон его запирать? Ну нет, он...

Что-то негромко заскрипело и щелкнуло.

Дверь камеры с металлическим скрежетом приотворилась.

Изумленный, Ульдиссиан немедля отпрянул к дальней стене. Дверь на его глазах распахнулась настежь, лязгнув о прутья решетки, отгораживавшей камеру от коридора.

Путь к свободе оказался открыт нараспашку, однако Ульдиссиан не сделал ни шагу вперед. Крестьянин не понимал, что произошло, и дверной проем, несмотря на жгучее желание убраться из этих стен, ничуть его не соблазнял.

В этот миг дощатая дверь в конце коридора отворилась тоже, и к камерам прошел Тиберий с двумя своими подручными.

Увидев ульдиссианову камеру отпертой, капитан застыл на месте, как вкопанный.

– Какого...

Оправившись от изумления, он щелкнул пальцами, и стражи немедля ворвались внутрь, преграждая узнику путь. Они не подпускали Ульдиссиана к выходу, пока Тиберий пристально осматривал дверь.

– Целехонька. Ни единой царапины, – сказал он, смерив крестьянина грозным взглядом. – Обыщите его, поглядите, чем он мог замок отпереть.

Стражники так и сделали, однако их обыск оказался бесплодным, в чем Ульдиссиан ни минуты не сомневался.

Подойдя к узнику, Тиберий взмахом руки велел стражникам отойти, склонился поближе и прошептал:

– Ульдиссиан, держать тебя здесь у меня охоты не больше, чем у тебя самого – сидеть взаперти. Может, ты, старина, этому и не поверишь, но, по-моему, в случившемся с этими двумя твоей вины столько же, сколько и моей.

– Так отчего же...

– Может, тут у нас всего-навсего Серам, но стражей я буду командовать, будто в самом Кеджане! Отец мой отслужил в тамошней страже три года, а после заправлял делами здесь, и я не опозорю его памяти несоблюдением долга! Все будет сделано согласно закону, как бы мерзко это ни выглядело.

Точку зрения Тиберия Ульдиссиан вполне уважал, но легче от этого не становилось ни на грош.

– Я просто хочу, чтобы все это кончилось поскорее! Я же не сделал ничего дурного!

– И невиновность твою мы докажем. Вот увидишь. Но вот такое делу только во вред, – пояснил капитан, кивнув в сторону двери.

– Я к ней даже не прикасался! Она просто открылась сама по себе.

Тиберий разочарованно вздохнул.

– Я был о тебе лучшего мнения, Ульдиссиан. С дверью-то все в порядке. Я проверил.

– Отцом клянусь!

Нахмурившись пуще прежнего, капитан досадливо крикнул, отвернулся и вышел из камеры. Стражники последовали за ним. Один из них запер дверь и встряхнул ее, проверяя, не откроется ли.

– Заперта надежно, – доложил стражник командиру.

Однако Тиберий проверил это сам, ухватившись обеими руками за прутья и изо всех сил дернув дверь на себя. Решетчатая стена задребезжала, но с места не сдвинулась ни на дюйм.

Несмотря на всю эту демонстрацию, капитан Тиберий отпустил прутья, приткнулся к решетке и сказал крестьянину:

– Больше такого не делай. Иначе я буду вынужден отдать приказ, исполнения коего совсем не хотел бы видеть. Терпение, Ульдиссиан, терпение.

Встревоженный – и не на шутку растерянный – узник смог только кивнуть. Удовлетворенный, капитан повел стражников прочь.

Вскоре один из них вернулся с миской похлебки, снова подергал дверь и, кивнув, просунул пищу крестьянину в камеру.

За едой Ульдиссиан снова задумался, отчего разбирательство могло так затянуться. Он явно был невиновен. Вдобавок, он не уставал дивиться необычайному проворству истинного убийцы: ведь времени между первой ужасной находкой и убийством миссионера из Собора Света прошло – всего ничего. Чтобы добраться от одного до другого, едва завладев ножом крестьянина, злодею на крыльях лететь бы пришлось! Ахилия, как возможного убийцу-безумца, Ульдиссиан исключил сразу: охотник – не только хороший человек, но и его верный друг... а, кроме того, рядом с ним все это время был Мендельн.

Но тогда... тогда кто же?

Из коридора донеслись шаги, но шаги куда легче, деликатнее топота тяжелых сапог Тиберия и его стражников. Подняв взгляд, Ульдиссиан увидел... приближающуюся к камере Лилию.

– Мне нужно с тобой повидаться, – с робкой улыбкой пробормотала она, очевидно, опасаясь, как бы он не разозлился на ее слушание.

Однако в эту минуту Ульдиссиан уже не мог ее в чем-либо упрекнуть. Ждала она долго, а, кроме того, он был даже рад, что аристократка вовсе не улизнула из Серама, бросив его на произвол судьбы.

И все же приветствия он начал со слов:

– Не следовало тебе сюда приходить.

– Я больше не могу оставаться у себя. Все это несправедливо! И повторяется снова и снова!

– Что повторяется?

Лилия прижалась к прутьям решетки. Ульдиссиан, отставив миску, подошел к ней. Как же ему хотелось стиснуть ее в объятиях и успокоить!.. Казалось, это не ему – *ей* угрожает опасность.

– Ты был очень добр к незнакомке, – прошептала девушка, просунув руку меж прутьев, коснувшись его руки и опустив взгляд долу. – К незнакомке, которой некуда податься. А знаешь, из-за чего? Из-за тех самых игр, что ведут Церковь с Собором!

– Из-за *чего*?!

Лилия подняла глаза на Ульдиссиана, и их красота буквально околдовала мужчину. В этих глазах хотелось утонуть, утонуть безвозвратно.

– Из-за их *игр*. Все это для них игра, а побеждает в ней тот, кто сумеет остаться в живых. Они ничему, никому не позволят встать у них на пути, а пуще всего те и другие ненавидят еретиков.

Такой поворот разговора пришелся Ульдиссиану вовсе не по душе.

– К чему ты... Лилия, к чему это ты клонишь?

Оглянувшись на дверь в помещения стражников, Лилия

все так же, шепотом, отвечала:

– Такое уже случилось и прежде. С моей семьей. У нас имелось влияние и богатство, а обеим сектам хотелось прибрать то и другое к рукам. Но мы прилюдно отвергли их... и после этого вся наша жизнь перевернулась вверх дном. Неподалеку было совершено преступление, поджог небольшого храма, и многие верующие ужасно обгорели в огне. Пожар перекинулся на соседние здания... а после каким-то образом выяснилось, что поджог – дело человеческих рук, причем в нем замешана *наша семья*.

Ульдиссиан невольно разинул рот.

– Все – ложь! – поспешно добавила Лилия, очевидно, приняв его изумление за уверенность в виновности ее семьи.

Однако крестьянин даже не думал подозревать в этих ужасах Лилию... как, впрочем, и кого-либо из ее близких.

– Я тебе верю, верю, – немедля откликнулся он. – Продолжай же.

– В то время как мы отвергли их, к обеим сектам примкнули многие другие, пользовавшиеся гораздо большим влиянием. Обвиненная без подлинных доказательств вины, моя семья, однако ж, лишилась *всего достояния*. Отца с матерью уволокли из дому, и больше мы их не видели! Мой брат был отправлен в темницу, а сестру принудили стать женой одного из виднейших сторонников Собора. Подобную участь готовили и для меня, но я собрала все деньги, какие сумела, и бежала из города...

– И отправилась к нам, в Серам?

– Не сразу... и уж точно не в обществе прислужников того самого зла, от которого ищу спасения! – ответила Лилия и закусила губу. – Я рассказала тебе так много... и теперь вдруг испугалась, как бы ты не решил, будто вина в случившемся с этими двумя может лежать на *мне*!

Ульдиссиан без раздумий замотал головой.

– Ну, это вряд ли возможно! Убийства совершены человеком намного сильнее, и наверняка куда кровожадней, чем ты! Скорее уж, во всем этом разумнее подозревать *меня*...

Стоило ему только подумать об этом, как он пришел к еще более мрачному выводу.

– Однако ты никому этого не рассказывай! Могут подумать, будто я сделал это по твоей указке!

Пораженная, Лилия прижала ладонь к губам.

– Я и не думала...

– Неважно. Тебе лучше уйти и больше сюда не возвращаться. Все будет в порядке...

– Не тут-то было! Я слышала в таверне! Завтра сюда придут инквизиторы Собора Света, а еще кто-то намекал, что следом за ними не замедлят явиться и мироблюстителю из Церкви Трех! Все происходит в точности так же, как и со мной!

Услышав это, Ульдиссиан невольно вздрогнул. О прибытии в Серам инквизиторов либо мироблюстителей ему никто ни слова не говорил. Служившие двум самым влиятельным

сектам вершителями правосудия, те и другие заменяли собою и судей, и стражу. Да, дело шло об убийстве их посланников, однако во всем, что касалось Ульдиссиана, ни судей, ни стражи не требовалось!

Крестьянин замер, собираясь с мыслями, но первой молчание нарушила аристократка.

– Ульдиссиан, мы совершили ошибку, позволив им действовать первыми, а этого никак нельзя допускать! Они вывернут все наизнанку, и, пусть даже ты ни в чем не виновен, для окружающих твоя вина станет очевидной! Ты должен дать им отпор! Говори вызывающе, непокорно, как говорил всегда! Друзья поддержат тебя, я знаю! Поддержат, и тогда ни Собор, ни Церковь не смогут использовать твою враждебность к ним против тебя!

– Я...

Кое с чем тут Ульдиссиан мог бы поспорить, однако перед поразительной красотой ее глаз все возражения меркли, обращались в ничто. В конце концов Ульдиссиан решил, что Лилия права: воспользовавшись горьким опытом ее семьи, он спасется сам... и спасет от беды ее.

– Ты должен, – выдохнула она. – Прошу тебя... ради нас обоих...

Внезапно прижавшись лицом к прутьям решетки, аристократка поцеловала его. Крестьянин замер, не зная, что и подумать, а Лилия, вспыхнув румянцем, поспешила наружу.

Проводив ее взглядом, Ульдиссиан моргнул, вспомнил о

двери и по примеру стражника попробовал, надежно ли она заперта. Дверь, как ей и следовало, не поддавалась.

Для Ульдисиана все это окончательно решило дело. Лилия совершенно права. Он должен за себя постоять. Инквизиторы... и мироблюстителю, при условии, что они тоже в пути, будут искать доказательства его вины, а вовсе не невиновности.

Ну что ж, он постарается оставить их с носом.

* * *

Увидев выходящую из штаб-квартиры стражи Лилию, Серентия поспешила спрятаться за угол. Веских причин для этого не имелось, кроме, пожалуй, ревнивой зависти: ну, не смешно ли, с какой быстротой Ульдисиан втрескался по уши в эту блондинку! Одной только внешностью ей удалось добиться того, на что Серентия надеялась многие годы. Еще девчонкой она восхищалась Ульдисиановой непоколебимостью, внутренней силой, а особенно – тем, как он пережил ужасную гибель родных.

Свернув к «Кабаньей голове», Лилия скрылась из виду. Дочь Кира, выждав еще немного, выступила из-за угла кузницы...

И нос к носу столкнулась с Ахилием.

– Серри! – только и смог сказать он. – А ты здесь...

– Прости, прости, я нечаянно!

Серентия почувствовала, как щеки обдало жаром. Если она большую часть жизни бегала за Ульдиссианом, то Ахилий с давних пор бегал за нею самой. Конечно, это не могло ей не льстить – ведь он и лицом симпатичен, и уважением в деревне пользовался немалым, и обходился с ней так, как всякой девице хотелось бы. Здравый смысл подсказывал, что дочери торговца следовало бы принять его ухаживания без раздумий, однако Серентия, хоть и радовалась его обществу, с мечтой о завоевании сердца Ульдиссиана пока что расстаться была не готова.

Но все это, конечно же, до появления Лилии...

– Вообще-то я искал Мендельна, – в конце концов выдал из себя Ахилий, тоже слегка покраснев. – Однако неожиданной встрече с тобой очень рад!

Веселость охотника показалась Серентии не ко времени: ведь Ульдиссиан сидел под замком за дела, которых в жизни не мог совершить! Должно быть, Ахилий заметил ее раздражение, так как мигом забыл о любезностях и сделался предельно серьезен.

– Прости меня! Я никакого легкомыслия в виду не имел! Ты с Ульдиссианом шла повидаться?

– Да... но не захотела его беспокоить. К нему в гости еще кое-кто заглянул.

Охотник приподнял бровь.

– Вот как? А-а, прекрасная Лилия...

Услышав, что и Ахилий отзывается о ней в таких выра-

жениях, Серентия расстроилась пуще прежнего. Да, аристократка была настоящей красавицей, однако дочь Кира знала, что и она тоже может привлекать взоры мужчин... кроме того единственного, кого бы хотелось.

– Она только что ушла. По-моему, вернулась на постоянный двор.

Ахилий почесал подбородок.

– Интересно, как принял это Ульдиссиан. Он говорил, что ей лучше держаться от него в стороне, чтобы не ввязываться в это дело больше необходимого.

В сердце Серентии забрезжила надежда на то, что появление Лилии могло рассердить Ульдиссиана, однако сразу же после она заподозрила: нет, дело обернулось совсем иначе. Подобно большинству мужчин, Ульдиссиан наверняка простил Лилию, стоило ей поднять на него взгляд да улыбнуться.

И тут ей вспомнились слова Ахилия.

– Мендельна я не видела. Правду сказать, не видела уже два дня. Он хоть к брату-то заходил?

– Насколько я знаю, да, но давненько – три дня назад, – заметно встревожившись, отвечал лучник. – А приехав к ним на ферму, я обнаружил там, за работой, молодого Юстивио, второго из сыновей Марка уль-Амфеда. Он сказал, Мендельн заплатил ему за работу, но куда сам собирается, не объяснил.

Отчего Мендельн мог оставить хозяйство на того, кто ку-

да больше смыслит в крестьянском труде, Серентия понимала, но почему он немедля после этого не приехал к брату и не остался в деревне, постичь не могла. В Ульдиссиане Мендельн души не чаял, а услышав последние вести о брате, все обвинения отрицал с таким пылом, какого в нем, юном тихоне-книжнике, никто и не подозревал.

– Тревожно мне за него, Серри, – продолжал Ахилий. – По-моему, без Ульдиссиана он жизни себе не мыслит... нет-нет, я вовсе не имею в виду, что Ульдиссиан может быть обвинен в этих жутких преступлениях! Нет, речь только о Мендельне. С тех пор, как мы... с того самого дня он здорово изменился.

Тут дочери Кира показалось, будто Ахилий говорит не об убийствах – о чем-то другом, но что могло бы с ними сравниться, она сказать не могла.

– Может быть, он у отца, – наконец предположила Серентия. – Домой я с утра не заглядывала.

– Возможно... но я все гадаю...

Взгляд охотника скользнул в сторону, как будто ему пришло на ум что-то еще.

– Ладно, – добавил он, помолчав и покачав головой. – Ты, Серри, ступай себе к Ульдиссиану, а Мендельна я наверняка вскоре отыщу. Ты только не...

Ахилий внезапно осекся, умолк и с тревогой уставился на что-то за спиной у девушки. Охваченная недобрыми предчувствиями, черноволосая дочь торговца оглянулась... и об-

наружила, что в опасениях своих ничуть не ошиблась.

В деревню въезжал отряд верховых. Ехали они неспешно, уверенно, держась, будто полновластные хозяева всего, что только видно окрест. Ошибиться на их счет, с кем-либо спутать их было бы невозможно: сверкающие серебром одеяния и кирасы, пусть даже без золотого лучистого солнца в самом центре последних, могли принадлежать одним только инквизиторам Собора Света. Голову каждого венчал округлый, украшенный гребнем шлем – лишь всадник, ехавший во главе, прятал густую седую гриву волос под золотым капюшоном. Сверкающий плащ его, развевающийся за спиной, едва ли не ослеплял коня, шедшего следом. Лицо священнослужителя было выбрито дочиста, как и лица всех тех, кто состоял в подчинении у самого Пророка. Причиной тому являлись не просто личные предпочтения, но и особый, целенаправленный умысел. В конце концов, сам Пророк бороды не носил... и, если слухи не врал, с виду мог бы сойти за внука этого священника, хотя годами якобы был много старше.

Всадников в отряде насчитывалось не менее дюжины, и их количество не на шутку поразило обоих случайных свидетелей. Дорий не раз давал односельчанам понять, что ожидает от силы двоих, и положением куда ниже того, кто в эту минуту сошел с седла.

Мастер-инквизитор – Серентия знала: обладать меньшим рангом столь блистательная особа просто не может – оглядел

Серам, словно бы сомневаясь, что целью его путешествия могло оказаться этакое захолустье. Заметив обоих, он немедленно поманил их к себе. Прекрасно понимая, какую власть имеет этот человек над участью Ульдиссиана, Серентия тут же повиновалась, а лучник, держась на шаг позади, двинулся следом.

– Я – брат Микелий! – прогремел мастер-инквизитор, будто желая оповестить о том всех, проживающих на милую округу. – Значит, это и есть Серам, место свершения столь ужасающих дел?

– Да, о святейший, это и есть Серам, – смиренно отвечала Серентия, склонившись перед ним в реверансе.

Не в пример Ульдиссиану с Ахилием, она отчасти верила в учения и Собора, и Церкви Трех, только еще не решила, какое из вероисповеданий предпочесть. Церковь Трех ставила во главу угла могущество каждого человека в отдельности, тогда как Собор учил, будто к высшей цели Человечеству надлежит стремиться объединенными силами, сообща.

– Кто здесь за главного? Нас должны были встретить.

– Дорий, наш староста. Он...

– Неважно! – оборвал девушку брат Микелий. – Ты! – указал он на Ахилия. – Известно тебе, где покоится тело нашего многострадального брата?

Следуя примеру Серентии, охотник отвесил поклон.

– Сдается мне, я знаю, где он похоронен.

Мастер-инквизитор нахмурил брови.

– Прошло около недели, святейший, – разведя руками, пояснил Ахилий. – Пришлось оба тела предать земле, не то они могли... ну, сам понимаешь.

– Разумеется, сын мой, разумеется. Что ж, отведи нас к могиле.

– При всем к тебе уважении, святейший, проводить тебя к ней, скорее, приличествует мастеру Дорию, или же капитану Тиберию...

– Мы – здесь, – непреклонно оборвал его брат Микелий. – Их здесь нет. С ними мы побеседуем при первой же возможности... и с жестокосердным еретиком – тоже.

Услышав подобный эпитет в адрес Ульдиссиана, Серентия едва сдержала возглас возмущения. Что же такое наговорил мастеру-инквизитору гонец Дория? Похоже, брат Микелий не сомневается, будто настоящий убийца уже пойман...

– О святейший, – начала она.

Но брат Микелий в сопровождении четверки охранников уже проследовал мимо. Остальные из его отряда рассыпались веером, будто готовясь взять Серам приступом, и, положив руку на сердце, с виду казались вполне способными выиграть подобную битву, пусть даже значительно уступая противнику в числе.

– Сюда, – покорно сказал Ахилий.

На Серентию мастер-инквизитор внимания больше не обращал, но в то же время и не прогнал прочь, когда она двинулась следом. Больше всего дочери Кира хотелось помчаться

ся к Ульдиссиану и предупредить его о приезде посланцев Собора, но прежде следовало поглядеть, что скажет или же сделает брат Микелий, пусть даже если Ахилий тоже увидит все собственными глазами.

Между тем из окрестных домов, полюбопытствовать, что происходит, потянулись наружу жители деревни, вероятно, встревоженные громким голосом мастера-инквизитора. Властной поступью шествуя к кладбищу, брат Микелий приветствовал их – кого взмахом руки, кого благочинным кивком.

Над головами зарокотал гром, но в остальном клонившийся к вечеру день казался необычайно спокойным. Странное дело: даже в воздухе – ни ветерка... Вошедшей на деревенское кладбище позади остальных, Серентии почудилось, будто вокруг в молчании столпились духи умерших.

Кладбищенские земли окружала осклизлая каменная ограда высотой по пояс. Там и сям в кладке зияли бреши, свидетельствующие о некоторой запущенности. Отыскать, где захоронены тела убитых, оказалось совсем не трудно, так как могилы их были не только самыми свежими, но и располагались в углу, вдали от остальных. Деревенские жители, ни слова о том друг дружке не говоря, надеялись, что чужаки погребены здесь лишь временно, что и Собор, и Церковь востребуют их тела, после чего Серам сможет со спокойной душой предать случившееся забвению.

Забудут об этом в деревне, или же нет, однако брат Ми-

келий действительно намеревался что-то проделать с телом убитого служителя Собора. Оглядевшись, он указал на пару прислоненных к ограде лопат, и двое из его вооруженного сопровождения немедленно направились за инструментом.

– Теперь ты нам более ни к чему, – сказал мастер-инквизитор Ахилию... а вместе с тем и пристроившейся за его спиной Серентии. – Далее дело касается только Собора.

Охотник благоразумно поклонился и отступил назад.

Деревянные столбики над могилами украшали резные символы орденов погребенных. Пренебрежительно хмыкнув в сторону символа Церкви Трех, брат Микелий шагнул ко второй могиле. Двое вооружившихся лопатами охранников следовали за ним по пятам.

Опустившись перед столбиком на колени, мастер-инквизитор коснулся рукою в перчатке вырезанного на нем символа, негромко забормотал что-то – должно быть, молитву, накрыл ладонью вершину могильного холмика...

И почти в тот же миг отдернул руку, точно из земли к нему устремился сонм ядовитых скорпионов.

Помрачнев пуще прежнего, брат Микелий вновь наклонился и снял с шеи цепочку, укрытую под одеяниями. На цепочке покачивался золотой медальон в виде лучистого солнца, а середину его украшал чистейшей воды самоцвет, ярко блестящий вопреки затянувшему все небо тучам.

Удерживая медальон над могилой, священнослужитель вновь что-то забормотал, и вновь, словно бы ужаснувшись,

отпрянул прочь.

Гневно сверкнув глазами, брат Микелий повернулся к Ахилию и Серентии.

– Кто это сделал? Кто осмелился на такое кощунство?

Ахилий взглянул на Серентию, но она тоже терялась в догадках. Мастер-инквизитор выпрямился, расправил плечи и указал на могилу.

– Ты! Судя по одежде и этому луку, твое ремесло – охота!

– Так оно и есть.

– Значит, глаз у тебя наметан. Пусти его в дело! Подойди ближе и ответь, что здесь видишь!

Ахилий нехотя повиновался. Под бдительными взорами охранников инквизитора он подошел к могильному холмику.

– Смотри внимательно, – велел брат Микелий.

На глазах изумленной Серентии Ахилий, в точности так же, как мастер-инквизитор, опустил на колени и даже осторожно коснулся ладонью того же самого места.

И, в точности как брат Микелий, невольно отдернул руку от могильной земли.

Очевидно, иных подтверждений своим подозрениям священнослужителю в золотых ризах не требовалось.

– Да, вот и ты, охотник, то же самое видишь, не так ли?

Дочь Кира двинулась было вперед, однако закованный в кирасу охранник непринужденно преградил ей путь. В полном недоумении глядела она, как Ахилий медленно подни-

мается и поворачивается к мастеру-инквизитору.

– Возможно... мелкий зверь, о святейший. Серам, как-никак, окружен лесами, и...

– Это сделал не зверь, – едва ли не прошипел брат Микелий.

Мелькнувшие в голове подозрения касательно предмета их разговора заставили Серентию ахнуть. Брат Микелий тут же устремил гневный взор на нее.

– Кто это? – властно спросил он, как будто ей был известен ответ. – Кто это сделал?

– О святейший, – пролепетала Серентия, – я не понимаю...

Тут в дело вмешался Ахилий.

– Не может же она...

Но их протестов никто не пожелал даже слушать. Сверля обоих властным взглядом, мастер-инквизитор с силой рассек воздух ребром ладони.

– Повторяю в последний раз, коротко и без околичностей...

Охранники разом сдвинулись с мест, окружили обоих, будто преступников.

– Кто осквернил могилу и тело нашего злодейски убитого брата?

Глава четвертая

Уже не впервые с тех пор, как брата огульно обвинили в гибели миссионеров, у Мендельна жутко разболелась голова. Прислонившись к дереву, росшему в лесной чаще к северу от деревни, брат Ульдиссиана в надежде унять боль прижал ладонь к виску.

Но куда хуже невыносимой пульсирующей боли было другое: вот уже *в третий раз* он временно впал в беспамятство. Помнил лишь, как покинул ферму, чтоб повидать брата, а дальше... дальше – словно отрезало.

Ущипнув себя за переносицу, младший из сыновей Диомеда крепко зажмурил глаза. Может, хоть это облегчит страдания...

Все мысли из головы вмиг вытеснил образ пронзительно вопящего человека в долгополых одеждах.

Жалобно закричав, Мендельн отшатнулся от ствола дерева и огляделся. Сомнений быть не могло: то, что он видел, происходит в это самое время, прямо у него на глазах.

Но нет, лес оказался безлюден. Мало-помалу Мендельн сообразил, что человек тот не издал ни звука, хотя и разевал рот – шире некуда. Помнил он буйный шелест травы, помнил и раскат грома, а вот голоса, крика не припоминал.

Кошмарное видение? Причуды переутомленного разума, порожденные чудовищным человекоубийством? Мендельн

вполне готов был поверить, что так оно все и есть... однако видение выглядело уж больно *настоящим*.

Голова загнулась под натиском нового приступа боли. Не в силах стерпеть ее, Мендельн невольно зажмурился.

Стоило сомкнуть веки, все мысли Мендельна снова вытеснил, заслонил собой образ того же самого человека, только на сей раз человек лежал, беспомощно распростершийся на земле, а над ним возвышался кто-то еще. Лицо миссионера, тщетно старавшегося отползти от приближающегося прочь, искажала гримаса невыразимого ужаса.

Мендельн открыл глаза... видение пропало.

Однако теперь Ульдиссианов брат понимал: то, что он видит – не причуды воспаленного воображения и не события, происходящие в настоящем. В лесу он точно один. На этот раз видение длилось так долго, что Мендельн успел узнать одежды кричавшего, если не его самого.

Облаченный в ризы служителя Церкви Трех... человек этот мог оказаться только тем самым, столь жестоко убитым ее посланцем.

Мендельна затрясло. Что все это значит? Откуда вдруг эти видения гибели миссионера?

О ведунах среди родных со стороны отца либо матери он ни от кого не слышал и сам сомневался, что таковые имелись среди его предков. Нет, всему этому наверняка существовало другое, более разумное, незатейливое объяснение...

Нос зачесался. Поспешно смахнув нечто, прилипшее к пе-

реносице, Мендельн был вознагражден несколькими крупицами земли на ладони. Мало этого, только сейчас он заметил, что и пальцы его изрядно измазаны свежей землей.

А *это-то* когда могло произойти? Ульдиссианов брат был не на ферме, и в поле работать давненько уж не выходил – только и думал, чем бы Ульдиссиану помочь. Может быть, отчего-то с коня на скаку упал? Этим вполне могло объясняться и беспамятство, и грязь на ладонях.

– Что же... *происходит*? – пробормотал Мендельн.

Его жизнь от роду была совершенно обычной и даже изрядно скучной. Теперь же все перевернулось с ног на голову. Припадки беспамятства, отчаянное положение Ульдиссиана, древний камень в лесу...

Камень.

В случайные совпадения Мендельн не верил. До прикосновения к древнему камню памяти он не терял никогда. Выходит, камень-то и подействовал на него каким-то непостижимым образом? О, ребенком Мендельн слышал немало сказок о волшебных местах и созданиях... но это ведь всего-навсего *сказки!*

Все это заставляло задуматься: отчего же сейчас ему видится именно убийство служителя Церкви Трех? При первой пришедшей в голову мысли младший из сыновей Диомеда побледнел, как полотно.

«Нет... нет, не может быть! Это не я!»

Неужто он видит убийство... да еще под таким углом, буд-

то стоит прямо перед жертвой... оттого, что *сам* – так ли, иначе – в нем виноват?

Однако здравый смысл возобладал над страхами. Во время убийств он, Мендельн, был не один, а с Ахилием, а, следовательно, невиновен в этих гнусных деяниях – как, разумеется, и Ульдиссиан.

Вот только это не могло объяснить ни испачканных рук, ни странных, становящихся все продолжительнее припадков беспамятства. Между тем, сии обстоятельства вселяли в душу нешуточный страх.

Мендельну снова вспомнился томящийся за решеткой брат. Представив себе Ульдиссиана в неволе, младший сын Диомеда собрал волю в кулак. Собственными неурядицами он займется, когда время позволит, сейчас же важнее всего позаботиться о том, чтобы Ульдиссиан не томился в камере дольше необходимого.

Выпрямившись, расправив плечи, Мендельн направился назад, в Серам, однако же на ходу принялся тщательно оттирать ладони от грязи. Возможно, эта грязь ничего и не значила, но рисковать ему не хотелось. Слишком много тревожного произошло вокруг – как знать, не намекают ли невинные крохи земли на какую-нибудь новую беду? Если его вдруг заподозрят еще в одном преступлении, помочь брату он не сумеет ничем...

Подумав об этом, Мендельн досадливо крикнул: каких только глупостей в голову не придет! Ну, о *каком* преступ-

лении могут свидетельствовать испачканные землею ладони здесь, в крестьянских краях?

И все-таки Ульдиссианов брат старательно оттирал землю с рук об одежду всю дорогу в Серам.

* * *

Двое стражников явились за Ульдиссианом как раз в ту минуту, как он наконец-то сумел забыться тревожным сном. Он заворочался, когда стражник громыхнул дверью камеры и отпер замок.

– Идем с нами! – рявкнул тот, что повыше ростом, плосколицый юнец, насколько Ульдиссиану было известно, доводившийся племянником Дорию. – Идем, да гляди у нас: без озорства!

Вместо ответа крестьянин спокойно завел руки за спину и повернулся так, чтоб стражники смогли надеть на него кандалы. Покончив с этим, его вывели в коридор.

У двери, ведущей наружу, их встретил Тиберий. Скрывать недовольство капитан деревенской стражи даже не пробовал, но и объяснить Ульдиссиану причину сего расположения духа не удосужился. Следовало полагать, крестьянину это не предвещало ничего хорошего.

И вправду, едва они выступили за порог, Ульдиссиан понял: дела его не просто плохи – сквернее некуда. Высокопоставленного служителя Собора Света он увидел немедля и

сразу же сообразил, что перед ним не просто какой-то жрец из соседнего городка. То был сам мастер-инквизитор, одна из самых высокопоставленных особ во всей секте. Что еще хуже, этого властного типа сопровождали около полудюжины мрачного вида охранников... а еще здорово приунывшие Серентия и Ахилий.

Жрец подошел к нему и, задрав нос, чрезмерно громко провозгласил:

– Ульдиссиан, сын Диомеда! Знай: я – брат Микелий, волею величайшего, сияющего золотом Пророка, мастер-инквизитор окрестных земель! Прибыл я с тем, чтобы установить глубину твоей вины и рассудить, что потребно для очищения души твоей от греха! А также, – после недолгой паузы добавил он, – для очищения от греха души того нечестивца, что осквернил могилу нашего посланника!

Ульдиссиан побледнел. Речи брата Микелия не оставляли сомнений: судебное разбирательство он считал делом решенным. Но ведь Дорий обещал Ульдиссиану совсем не то!

Прежде чем он успел раскрыть рот да хоть что-нибудь возразить, мастер-инквизитор повернулся к старосте, удрученный вид коего тоже пришелся Ульдиссиану вовсе не по душе.

– С твоего позволения, мастер Дорий, для допроса его мы воспользуемся твоим жилищем. Естественно, прошу извинения за доставленные неудобства! Сколь ни претят Собору подобные разбирательства, порой без них, сам понимаешь, не обойтись.

– Но я ведь писал и в Кеджан, прокуратору, – отвечал Доррий в надежде вновь взять положение в свои руки. – Вестей от него не получено, но он наверняка пришлет сюда лиц, наделенных надлежащей властью, чтобы...

Однако брат Микелий, не дослушав его, покачал головой.

– Волею Пророка, благословенно будь его имя, я сам наделен властью, достаточной для данного случая! Прокуратор же поверит моему слову безоговорочно...

«И, судя по тону этого мастера-инквизитора, – подумалось Ульдиссиану, – Дорию с остальными тоже придется безоговорочно поверить его слову, понравится им оно или нет».

При этой мысли крестьянин поморщился. Исходя из того, как брат Микелий вел разбирательство до сих пор, Ульдиссиану вряд ли будет позволено сказать хоть что-нибудь в свою защиту... если только он не надумает признать за собою вину.

– Вдобавок, дело касается и Церкви Трех, – добавил Доррий. – Поскольку один из их служителей также пал жертвой...

– Собор здесь, Церковь же – нет. Если Церковь Трех не спешит призывать к ответу убийцу ее собственного чада, сие упущение – на ее совести.

Обескураженный, староста умолк. Ульдиссиан едва сдержался, чтобы не выругаться. Похоже, брата Микелия не остановит ничто.

Одно утешение: хотя бы Лилию во все это не вовлекли.

Такого крестьянин бы не перенес. Она и без того слишком многое претерпела от рук обеих сект, и...

Стоило Ульдиссиану вспомнить о Лилии, в уголке глаза мелькнуло то самое, весьма приметное изумрудно-зеленое платье. Крестьянин в смятении вздрогнул и невольно бросил взгляд в ее сторону.

К несчастью, туда же устремил взгляд и мастер-инквизитор.

Лилия замерла, будто загнанный в угол зверь. Похоже, она украдкой выбралась на улицу со двора «Кабаньей головы», поглядеть, как разворачиваются события, и в тревоге за Ульдиссиана начисто позабыла о его предостережениях.

Брат Микелий, несомненно, сразу же понял, что она не из местных. Само по себе это вполне могло ничего не значить, однако, стоило ему встретиться с нею взглядом, в глазах его мелькнуло что-то вроде узнавания.

Человек в долгополых ризах устремил обвиняющий перст в сторону аристократки.

– Ты, там! Ты...

И тут в небе снова ударил гром, да такой силы, что кое-кому из собравшихся, в том числе – брату Микелию, пришлось прикрыть ладонями уши.

Внезапно поднявшийся ветер взвыл, точно голодный волк. Яростный шквал отшвырнул всех прочь – даже охранники инквизитора не смогли устоять на месте. Под его устрашающим натиском остались недвижны – по крайней мере,

на время – лишь трое.

Брат Микелий, Лилия и Ульдиссиан.

Однако мастер-инквизитор удержался на ногах лишь с огромным трудом. Оторвав взгляд от Лилии, он вновь повернулся к узнику. На лицо его страшно было смотреть. Брат Микелий ожег крестьянина взглядом, исполненным ярости... и в то же время немалого ужаса.

– Во имя Пророка! Что все это...

Жуткий разряд молнии ударил в самую середину деревни, и...

Пораженный им, мастер-инквизитор не успел даже пискнуть. В ноздри ударила тошнотворная вонь горелого мяса, живо подхваченная неистовым ветром. Удар молнии превратил брата Микелия в бесформенный обугленный ком. Жертв подобных ударов Ульдиссиану видеть уже доводилось, но сейчас мертвое тело выглядело много страшней.

Рядом с первой молнией ударила в землю вторая. Кто-то отчаянно вскрикнул, и люди бросились врассыпную. Ураганный ветер, продолжавший завывать над Серамом, валил с ног тех, кто не успел ухватиться за что-либо попрочнее.

Ульдиссиан огляделся в поисках Лилии, однако нигде ее не нашел. Порыв ветра швырнул ему в лицо пригоршню мусора, и крестьянин невольно вскинул вверх локоть, прикрывая глаза.

Только тут он и обнаружил, что снова свободен. Оковы его болтались на одном из запястий, а, стоило ему потянуть,

оставшийся браслет разомкнулся, будто никто его и не заперал.

Не трата времени на раздумья о безопасности стражников, Ульдиссиан сосредоточился на том, как быть дальше. Однако вооруженная охрана брата Микелия решила этот вопрос за него – двинулась к освободившемуся узнику, несмотря на ужасный ветер. Троице уже удалось подобраться к нему почти на расстояние удара, а четвертый отставал от товарищей разве что самую малость.

Но как только передний потянулся к крестьянину, ураган швырнул навстречу ему увесистую деревянную скамью, в которой Ульдиссиан не сразу сумел признать ту, что обычно стояла у входа в таверну. Импровизированный снаряд поразил охранников без промаха, одного уложив навзничь, а остальных сбив с ног и отшвырнув прочь.

В некотором отдалении позади упавших вновь показалась Лилия, одной рукой вцепившаяся в угол кузницы. Другой рукой она махала Ульдиссиану, призывая его следовать за собой.

Ошеломленный, крестьянин без раздумий рванулся к аристократке. Мимо, подхваченные ураганом, то и дело со свистом пролетали самые разные вещи. Люди со всех ног разбегались по домам. Еще одна молния ударила в деревенский колодец, почти целиком разрушив окружавшее его каменное ограждение.

Но, несмотря на это множество опасностей, Ульдисси-

ан добрался до Лилии целым и невредимым. Девушка тоже оказалась жива и здорова – только несколько прядей золотистых волос выбились из прически.

Тревога о ней затмила собою все прочие мысли.

– Лилия! Тебе нужно где-нибудь спрятаться...

Лилия схватила его за руку, но вместо того, чтобы вместе с ним броситься к дверям кузницы, потащила Ульдиссиана в сторону леса. Удивленный ее неожиданной силой, крестьянин, не рискуя противиться, а значит, дольше необходимого оставаться на открытом месте, послушно побежал следом, за околицу Серама. Конечно, Ульдиссиан понимал, что самым разумным было бы укрыться в каком-нибудь из домов, но отчего-то не сомневался: столь же надежное убежище отыщется и в лесной чаще.

И в самом деле: стоило им углубиться в заросли, как ветер вроде бы поутих. Мимо по-прежнему летел всяческий мусор, но беглецов – вот чудеса! – не зацепило ничто тяжелее листочка с дерева.

Со стороны Серама донесся уже знакомый обоим треск. Небо на миг озарилось сиянием, как будто сквозь пелену туч внезапно пробился луч солнца. Ульдиссиан оглянулся было назад, но Лилия волокла его за собой. Гром продолжал грохотать, словно копыта коней тысячи верховых, и это напомнило крестьянину об инквизиторах и злосчастном брате Микелии. Как только ненастье уймется, его охранники наверняка пустятся за Ульдиссианом в погоню – особенно по-

сле весьма настораживающей гибели вышестоящего. Конечно, сам Ульдиссиан относил жуткую смерть священника на счет непредсказуемости природных стихий – пусть даже ни разу в жизни не видывал такой диковинной, смертоносной перемены погоды, однако не сомневался, что участь, постигшую брата Микелия, с ним, так ли, иначе, свяжут наверняка, сколь нелепо бы это ни выглядело.

– Беги! – крикнула ему Лилия, оглянувшись назад. – Беги, не мешкай!

Однако в тревоге о нем аристократка забыла о том, что лежит впереди. Рытвину в земле Ульдиссиан углядел за миг до того, как нога Лилии коснулась ее края. Крестьянин хотел было предостеречь спутницу, однако та уже оступилась, выпустила Ульдиссианов локоть, взмахнула руками и, коротко вскрикнув, рухнула наземь.

Упав, Лилия скорчилась от боли. Ульдиссиан, едва не споткнувшись, бросился к ней. Невидящий взор лежащей был устремлен в пустоту.

– Лилия!

Все страхи перед зловещим ненастьем и охранниками инквизитора рассеялись без следа. В эту минуту крестьянин забыл обо всем, кроме девушки, распростертой у его ног.

К невероятному его облегчению, аристократка моргнула, взгляд ее вновь сделался осмысленным, а выражение обращенного к Ульдиссиану лица заставило его покраснеть.

Пытаясь скрыть смущение, Ульдиссиан подал ей руку. Од-

нако, попробовав встать, Лилия вдруг застонала, а ее правая нога подвернулась в щиколотке.

– Кажется... кажется, вывихнула, – с трудом проговорила она. – Не мог бы ты посмотреть?

Как ни хотелось бы отказаться, оставить ее страдать от боли Ульдиссиан не мог. Бормоча извинения, он сдвинул кверху край длинной юбки – ровно настолько, чтоб обнажить щиколотку, не более.

Щиколотка оказалась иссиня-черной и уже малость вспухшей. Стоило крестьянину легонько коснуться ее, Лилия снова ахнула.

– Тебе к лекарке нужно, – пробормотал он.

– Нет! В деревне тебя снова схватят! Этого я им не позволю!

Ульдиссиан сдвинул брови. На что она в конечном счете рассчитывает? Вот так, запросто, бежать отсюда прочь он не может. Здесь его дом. Семья их жила в Сераме многие поколения – возможно, с самого ее начала. Вдобавок, как же оставить здесь Мендельна? Ведь Мендельн наверняка поплатится, если его брата не смогут найти! А Ахилий, известный всем как лучший Ульдиссианов друг? А Серентия? Ее тоже вполне могут во все это впутать!

Но в то же время *как* тут вернешься? Конечно, инквизиторы рано или поздно уберутся восвояси, однако Тиберий непременно сочтет своим долгом арестовать Ульдиссиана, едва тот покажется на глаза. К тому же, по его душу еще

вполне могут явиться мироблюстителю из Церкви Трех, дабы учинить над убийцей суд и расправу...

Присев на корточки, Ульдиссиан напрочь забыл о ладони на щиколотке спутницы и крепко задумался. Что делать? Судьба Лилии волновала его не меньше собственной, а, если б не этот вывих, их положение сделалось бы немного легче...

– Ульдиссиан...

Поглощенный заботами, Ульдиссиан не откликнулся. Быть может, ее удастся отнести на ферму, а оттуда отправить на лошади в соседнее поселение? В одном из тех, что побольше, она получит необходимую помощь, а после отправится в путь. Таким образом, аристократка будет спасена.

А что до самого Ульдиссиана, это уж дело дру...

– Ульдиссиан!

Голоса Лилия не повышала, но на сей раз в нем явственно слышалась резкая нотка. Не сомневаясь, что их обнаружили, Ульдиссиан поспешил оглядеться, однако поблизости не оказалось ни души, не говоря уж об инквизиторах или страже.

– Ульдиссиан, – повторила она. – Я не о том. Щиколотка... боль унялась.

Обнадеживающие новости встревожили Ульдиссиана сильнее прежнего. Если Лилия не чувствует боли, значит, щиколотка онемела, а это ничего доброго не предвещает. Опасаясь того, что увидит, он отвел руку в сторону...

Но обнаружил, что нога Лилии выглядит целой и невре-

димой.

– Э-э...

Ульдиссиан во все глаза уставился на поврежденную ногу, не сомневаясь, что зрение шутит с ним шутки. Как же так? Щиколотка минуту назад заплыла жутким кровоподтеком... а теперь от него и следа не осталось!

Охваченный недоумением, он поднял взгляд, однако при виде выражения лица Лилии на сердце сделалось еще неуютнее. Ее глаза сияли восторгом, невысказанным восторгом, граничащим с... с *благоговением*?

– Ты отвернулся, – пролепетала аристократка, – но руку от щиколотки не убрал. Я видела, что ты ее не касаешься, но вдруг почувствовала удивительную теплоту, и боль просто... просто совершенно прошла...

– Так не бывает... этому наверняка есть разумное объяснение! Подобные вывихи не исцеляются *сами собой*.

– Это все *ты*.

Вначале Ульдиссиан не поверил собственным ушам, а убедившись, что не ослышался, изрядно опешил: неужто аристократке вправду могла прийти в голову такая нелепая мысль?

– Я же не маг и не ведун! – в ошеломлении возразил он. – Ясно, как день: ногу ты вовсе не вывихнула, и это единственно верный ответ!

Лилия покачала головой. Во взгляде ее появилось нечто новое – *обожание*... Казалось бы, это должно прийти к кре-

стыянину по душе, но на деле только встревожило еще сильнее.

– Нет. Я помню, какую чувствовала боль. Помню волну тепла от твоей ладони... и твердо уверена: после этого боль исчезла, как не бывало.

Ульдиссиан отступил от аристократки на шаг.

– Но я ничего подобного не делал!

Светловолосая девушка поднялась и шагнула к нему. Двигалась Лилия без малейших намеков на хромоту.

– Если не ты, то кто же? Кто совершил такое чудо?

Последние слова вогнали Ульдиссиана в дрожь. Нет, нечего ее слушать, нечего!

– Не время шутки шутить.

С этим он поднял взгляд кверху. Небо вроде бы успокоилось – по крайней мере, поблизости. Со стороны же Серама все еще грохотало, над деревней сверкнула новая вспышка молнии.

– Гроза, – другого слова для странного ненастья Ульдиссиану в голову не пришло, – вроде бы застряла на месте. Хоть в этой малости нам повезло!

– По-моему, дело тут не в *везении*, – пробормотала аристократка.

– Так в чем же тог...

Крестьянин осекся, вмиг побледнел.

– Нет, Лилия... ты этим даже не шути...

– Ульдиссиан, разве ты сам не видишь? Как вовремя под-

нялся этот ветер! Сколь справедливо та молния поразила спесивого брата Микелия, готового обвинить тебя в злодеяниях, которых ты не совершал!..

– А теперь ты утверждаешь, будто я властен над силами, *вправду* погубившими человека! Об этом подумай, женщина!

В эту минуту Ульдиссиану впервые с тех пор, как они познакомились, захотелось оказаться от Лилии где-нибудь подальше. По-прежнему желанную, аристократку наверняка поразило какое-то слабоумие. Наверное, несчастья с семьей, наконец, взяли свое – иначе ее поведения не объяснить...

Да, но чем объяснить вывих, который Ульдиссиан видел собственными глазами? Человеком буйного воображения он себя никогда не считал, а если так, каким образом его разум ухитрился породить подобный бред?

– Нет! – зарычал крестьянин на себя самого.

Продолжая рассуждать в том же духе, он, чего доброго, вскоре поверит в несуразные предположения Лилии... а уж тогда ему лучше всего самому сдать на милость инквизиторов или стражи, пока *вправду* не подверг риску чью-либо жизнь.

Нежные, теплые пальцы, коснувшиеся руки, заставили вспомнить о настоящем. От Лилии его отделяло не больше дюйма.

– Я *знаю*, Ульдиссиан: исцелил меня ты... и ураган, и молния в минуту нужды, уверена, тоже призваны тобою.

– Лилия, прошу тебя! Послушай сама, какой вздор ты несешь!

Лицо безупречной красоты заслонило собой все вокруг.

– Хочешь, чтоб я убедилась в обратном? Так докажи же, что я неправа.

С этими словами аристократка мягко взяла его за подбородок и развернула туда, где остался Серам.

– Молнии все еще бьют по деревне, верша суд и возмездие. Небеса рокочут, разгневанные ложными обвинениями. Ветер воет, возмущенный наглостью тех, что взялись судить тебя, когда сами во всем и виновны!

– Лилия, *прекрати!*

Но умолкать она даже не думала.

– Докажи, дорогой мой Ульдиссиан, что я неправа! – до дерзости непреклонно сказала Лилия, прикусив нижнюю губу. – Пусти в ход всю свою мощь, вели небу угомониться – нет, даже очиститься, и если из этого ничего не получится, я охотно признаю, что самым прискорбным образом заблуждалась. Охотно...

Ульдиссиану не верилось, будто Лилия настолько помутилась умом, что полагает нечто подобное ее предложению выполнимым. Однако если аристократка говорила всерьез, то это самый простой и быстрый способ вернуть ее назад, к действительности.

Ни слова более не говоря, крестьянин поднял взгляд к бушующим небесам. Конечно, Ульдиссиан мог бы просто по-

стоять так, глядя на небо да делая вид, будто сосредоточился, но чувствовал, что это будет предательством по отношению к спутнице – пусть даже был твердо уверен в своей правоте.

Итак, сын Диомеда сощурился и напряг разум. И пожелал, чтоб буйное ненастье утихло, а тучи рассеялись. И – хотя бы ради Лилии – изо всех сил постарался подойти к делу как можно серьезнее.

И ничуть не удивился, когда все осталось, как было.

Уверенный, что предоставил заблуждениям Лилии все шансы, какие возможно, крестьянин с усталым вздохом повернулся к ней. Он ждал, что аристократка не на шутку расстроится, но нет, Лилия попросту терпеливо ждала.

– Я сделал, как ты просила. Сама видишь, что из этого вышло... вернее, что не вышло из этого ничего, – мягко сказал он. – Ну, а теперь, Лилия, позволь, я уведу тебя отсюда. Надо подыскать место, где ты... где мы сможем отдохнуть, собраться с мыслями и...

К несчастью, вместо того, чтоб согласиться, Лилия продолжала выжидающе смотреть ему за спину.

В конце концов терпение Ульдиссиана лопнуло. Да, Лилия завладела его сердцем в тот самый миг, как он впервые увидел ее, но это не повод потакать ее бреду до скончания века! Для ее же блага, если на то пошло.

– Лилия, да соберись же ты, соберись! Я сделал, как ты просила, и...

– И все сбылось, – прошептала она, и лицо ее внезапно

снова озарилось благоговейным восторгом.

Легонько стиснув в ладонях плечи крестьянина, Лилия снова развернула его лицом к деревне.

Собравшийся было продолжить внушение, Ульдиссиан так и замер с разинутым ртом.

Над Серамом сияло яркое солнце.

* * *

Великий Храм Трех, располагавшийся в двух днях езды верхом от Кеджана, являл собою обширное треугольное сооружение с тремя высокими башнями по углам. Сами башни также были трехгранными, и каждую стену их украшал символ одного из священных орденов. От вершин до подножия башен тянулись ряды треугольных окон.

Той же тройственной природой обладало почти все в этом здании. Дабы достичь обращенного к Кеджану входа, паломникам требовалось подняться на три яруса, преодолев три раза по тридцать три ступени, а далее три массивные бронзовые двери – также треугольной формы – открывали правоправным путь внутрь, в просторный приветственный зал.

В зале паломников, естественно, встречали величественные изваяния трех духов-покровителей. Слева высился Бала, Творец, андрогинного вида создание, облаченное в одеяния своего ордена. В руках Бала держал чудесный молот и мешок, в коем, согласно проповедям священнослужителей,

хранились семена всего живого на свете. Этот дух покровительствовал всем триумфам созидания – как природным, так и человеческим.

Справа над входящими нависал Диалон, мраморная статуя, во многом подобная первой, только он прижимал к груди Скрижали Закона. Диалон даровал Человечеству цель, а скрижали его учили, как достигать блаженства. Подобно Бале, облачен он был в одеяния того же цвета, что и ризы посвятивших себя идее Целеустремленности.

Ну, а посреди них стоял Мефис, не державший в руках ничего, но сложивший ладони чашей, точно нянча в них самого хрупкого из младенцев. Без Любви, Созидания и Целеустремленности не достичь процветания – так учил великий жрец, Примас, по словам некоторых, несомненно рожденный на свет самим Мефисом, столь велика была его забота о пастве.

Под титаническими статуями сверкали бронзой новые двери, ведущие в главные молитвенные залы каждого из орденов. Паломники и новообращенные, отдававшие предпочтение одному из них перед прочими, направлялись туда, слушать речи верховного жреца избранного ордена. Новоприбывшим помогали выбрать дверь по душе стражи-мироблюстителю в капюшонах, в кожаных доспехах с символами всех трех покровителей на груди. В каждом из залов могли преклонить в молитве колени более полутысячи человек за раз.

Когда же перед паствой появлялся сам Примас, стены меж владениями орденов (а стены те, хоть и облицованные камнем, сделаны были из дерева) отодвигались в потайные ниши, дабы *каждый* пришедший мог лицезреть всеблагого великого жреца воочию. Взойдя на особое возвышение, глава Церкви Трех возвещал перед окормляемыми волю Троицы.

В тот день, однако ж, прихожанам пришлось молиться самим по себе, так как Примас держал совет с тремя самыми любимыми из приверженцев – с верховными жрецами трех орденов. Возглавлял их рослый, атлетически сложенный Малик, старший над всеми, равными ему положением. Сего высочайшего сана он, некогда ревностный, энергичный послушник, достиг благодаря целеустремленности, созидательному складу ума, а главное – преданности господину.

Одним словом, Малик – и о том знали все, включая двоих остальных – был правой рукой самого Примаса.

Уединенные покои, где они собрались, были невелики и почти пусты. Здесь не имелось никакой мебели, кроме трона Примаса, спинка коего, украшенная треугольным символом секты, возвышалась над его головой. Освещала овальную комнату пара факелов в стенных нишах. Правда, смотреть здесь, кроме как на сидевшего в кресле, было особенно не на что... но в том-то и состояла вся суть.

Взирая на всех троих сверху вниз, Примас негромко вещал, вел речи, предназначенные только для их ушей. В самые сокровенные тайны Церкви Трех Малик с собратьями

были посвящены, как никто другой.

Голос великого жреца звучал, точно чистейшая музыка, лицо без единого темного пятнышка могло показаться вырезанным из мрамора, длинные пышные волосы и коротко, безупречно остриженная борода сияли серебром; резкие, угловатые скулы и подбородок, изумрудный блеск глаз... Ростом он превосходил многих и выглядел много сильнее большинства, но, несмотря на внушительную внешность, неизменно двигался с необычайным смирением.

До этой самой минуты.

Неожиданную легкую дрожь заметил лишь Малик, украдкой взглянувший на великого жреца из-под темных бровей. Свою обеспокоенность этим наблюдением верховный жрец Ордена Мефиса ничем не выдал, но, очевидно, от Примаса она, невзирая на все старания Малика, не укрылась.

Совладав с собой, всеми любимый глава Церкви Трех едва уловимо кивнул в сторону двери, а черноусый Малик немедленно предупредил о сем жесте остальных, коснувшись их плеч. Низко склонив головы, трое старших жрецов поспешно удалились из личных покоев главы Церкви Трех.

Примас безмолвствовал, глядя перед собой, в пустоту. Вдруг пламя факелов заплясало, как бешеное, словно по комнате пронесся порыв сильного ветра.

К тому времени, как факелы вновь запылали ровно, от благожелательности на лице Примаса не осталось даже следа. Теперь в нем не чувствовалось никакой святости – напро-

тив, всякий, ставший тому свидетелем, первым делом вспомнил бы о совершенно обратном... а, вспомнив, весьма вероятно, испугался за свою душу.

– К западу от города, – проскрежетал он, и в эту минуту голос его походил, скорей, на змеиный, чем на человеческий. – К западу от города...

Глава пятая

Как только Серам объял хаос, Ахилий первым делом подумал не о себе и даже не об Ульдиссиане. Первым делом подумал он о Серентии, подобно многим другим, застигнутой ненастьем на улице. Увернувшись от стремительно вращающегося в воздухе тележного колеса и крестовины с ошметками огородного пугала, охотник бросился к дочери Кира.

Издали донесся крик, и Ахилий увидел торговца, тоже бегущего к ней. Однако Серентия, стоявшая ближе к охотнику, не заметила Кира и не услышала отцовского оклика.

В этот миг ветер сорвал с крыши штаб-квартиры стражи огромный кусок кровли. Он закружился в воздухе, точно гигантская черная птица в предсмертных конвульсиях... затем с точностью топора палача устремился вниз, к не замечающему опасности Киру.

Ахилий предостерегающе завопил, но ураган заглушил его голос, как и голос торговца. Разом похолодевший, охотник понял: выбора у него нет.

Улучив момент, Ахилий рванулся к Серентии, сгреб ее в охапку и бесцеремонно, почти как дичь, что вот-вот вырвется из силка, повалил наземь. Лучник думал лишь об одном – о том, чтоб уберечь дочь Кира от страшного зрелища, остальное было неважно. Помочь самому Киру он не мог ничем: до торговца было слишком далеко.

Однако, успев заслонить от нее отца, сам Ахилий невольно увидел все. Точно замороженный жуткой картиной, смотрел он, как кусок кровли настиг Кира сзади. Сила, с которой острая кромка ударила старика чуть ниже затылка, не оставляла торговцу ни малейших надежд. С необычайной, ужасающей легкостью перерубила она кость и плоть, и опытный охотник, даже ничего не услышав за воем ветра, мог точно сказать, какой звук сопутствовал отсечению головы Кира от туловища.

К счастью, кусок кровли тут же рухнул поверх мертвого тела, накрыв его целиком. Именно в этот момент Серентия, наконец, вырвалась из рук охотника, подняла на Ахилия взгляд, удивленный... и малость смущенный, если румянец на щеках хоть о чем-то да говорил. Ахилию тут же сделалось очень не по себе – и вовсе не только из-за того, что он стал свидетелем гибели ее отца.

– Позволь встать, пожалуйста! – потребовала она, с трудом перекрикивая ветер. – Ты Ульдиссиана не видел?

Охотник смутился сильнее прежнего. Не зная о жуткой смерти Кира, Серентия, естественно, первым делом подумала о крестьянине и ни о ком другом. И уж точно не об Ахилии.

Однако ее тревоги об Ульдиссиане дали охотнику какую-никакую отсрочку, позволили малость повременить с рассказом о происшедшем. Сейчас Серентии не время было об этом знать. Вдобавок, решив высвободить из-под об-

ломков тело отца в разгар безумного ненастья, она запросто могла погибнуть с ним заодно.

– Я видел, как он бежал в сторону кузницы! – наконец прокричал он.

Несмотря на изрядную силу легких, Ахилию пришлось повторить ответ дважды, прежде чем дочь торговца сумела хоть что-то расслышать. Поднимая девушку на ноги, охотник не позабыл развернуть ее к жуткому зрелищу спиной.

– Держись за руку крепче, не то ветром сдуть может!

К немалому его облегчению, Серентия послушалась без возражений, и Ахилий поволок ее туда, где в последний раз видел друга. Буйный ветер бил, толкал в грудь с силой дикого кабана. Что они будут делать, если вправду отыщут Ульдиссиана, охотник не знал. Крестьянин считался арестованным, в глазах некоторых – возможным убийцей, и долг повелевал Ахилию убедить друга вернуться, предстать перед правосудием, либо, если добром уговорить не удастся, *заставить* вернуться силой. Однако на «правосудие» это охотник уже насмотрелся, а посему мысли о выдаче Ульдиссиана инквизиторам – или хотя бы Тиберию – Ахилия вовсе не прельщали.

Мало этого: приведя Ульдиссиана назад, в Серам, он, несомненно, на веки вечные очернит себя в глазах Серентии...

В то время как остальные местные разбегались кто куда, оба помчались к околице. Ко всякой увесистой всячине, то

и дело пронесившейся мимо, прибавились доски, сорванные ветром со стен и крыш. Одного из людей Тиберия сшибла с ног, опрокинула на спину бадья от деревенского колодца, угодившая стражнику прямехонько в грудь. Ахилий хотел было остановиться у распростертого навзничь тела да поглядеть, жив ли упавший, но побоялся тем самым подвергнуть опасности Серентию.

С несказанным облегчением вбежал он в заросли, таща за собой дочь Кира... и, благодаря остроте чутья, немедленно заметил разницу между погодой в лесу и безумством стихий над Серамом. Как будто дверь за собою захлопнул! Листва еле-еле подрагивала, вой урагана почти утих...

Но, несмотря на это, охотник не замедлял шага, пока оба не отбежали подальше от деревенской околицы. Только здесь, недалеко от исполинского дуба, Ахилий и осмелился остановиться – и то больше ради спутницы, чем ради себя самого.

– Ты в порядке? – не мешкая, спросил он.

Серентия, тяжело дыша, кивнула и обвела заросли ищущим взглядом.

– Найдем мы его, Серри, найдем, – проворчал охотник, слегка расстроенный таким невниманием после того, как помог девушке спастись от беды.

Но, стоило Ахилию вспомнить о Кире, ему сразу же сделалось совестно.

– Интересно, а если...

Но тут дочь торговца разом умолкла: все вокруг неожиданно стихло.

Оба оглянулись на родную деревню. Удары молний прекратились, и ветер в селении унялся, и тучи, что удивительнее всего, не просто поубавились, но выглядели так, будто сквозь них уже пробивается *солнце*.

– Хвала высшим силам! Чудо! – выпалила Серентия.

Однако в сердце Ахилия, напротив, зашевелился тот самый, ни на что не похожий страх. Подобное он испытал лишь раз в жизни... впервые коснувшись древнего камня, найденного в лесу.

Серентия шагнула назад, к деревне, но охотник потянул ее глубже в лесные заросли.

– Ульдиссиан! – напомнил он, хотя возвращаться в Серам ему не хотелось не только из-за крестьянина. – Нам туда, помнишь?

Дочь торговца согласно кивнула. На ее прекрасном лице вновь отразилась небывалая решимость. Как бы Ахилий хотел, чтобы такое выражение чувств хоть раз предназначалось ему.

Собственными глазами видевший, как Ульдиссиан направляется в эту часть леса, охотник, однако же, обнаружил, что отыскать след друга куда труднее, чем он ожидал. Следов за собою Ульдиссиан почти не оставил. Правду сказать, Ахилию нередко приходилось идти наугад, так как крестьянин двигался по лесу неприметней любого зверя. Кабы не особое

чутье – чутье, о коем Ахилий никогда никому не рассказывал, но неизменно помогавшее ему в поисках дичи, – искать бы ему Ульдиссиана до скончания века.

Вдобавок, то же чутье, то же *знание*, что позволяло Ахилию не сбиться с верного следа, подсказывало: в лесу Ульдиссиан встретился с *кем-то еще*. След этот охотнику был незнаком, а, судя по легкости шага, оставила его та самая аристократка, кому же больше? Неведомая сила, укрывавшая Ульдиссиана от посторонних глаз, покровительствовала и ей: сосредоточиться на следах аристократки оказалось даже трудней, чем отыскивать след крестьянина.

Отчего-то это снова напомнило Ахилию о древнем камне. С тех самых пор, с этой самой находки, и началась череда странных, тревожных событий, некоторые из коих казались охотнику бесспорно противоестественными. Вспомнив вырезанные на камне знаки, Ахилий задумался: удастся ли Мендельну со временем их перевести? Ведь Мендельн очень умен. Возможно, он даже сумеет найти объяснение ужасной буре, и...

Охотник замер, как вкопанный. Не ожидавшая этого, Серентия врезалась ему в спину. Ахилий оглянулся назад.

Решив, что за ними кто-то идет, дочь Кира последовала его примеру.

– Что там?

– Нет, ничего...

С этим Ахилий двинулся дальше и потянул ее за собой.

Возвращаться за Мендельном было нельзя. Придется Ульдиссианову брату позаботиться о себе самому. Где бы он ни был, ему наверняка ничто не грозит – ведь лучник даже не помнил, чтоб видел его, когда Ульдиссиана вывели пред очи брата Микелия.

«Он вполне может сам за себя постоять, – снова и снова твердил себе Ахилий. – Мендельн – он очень смышлен. Очень многое знает. О ком волноваться надо – так это о Серри. Надо придумать, как ей об отце рассказать... может, после того, как отыщем Ульдиссиана... может, тогда и... да, а с Мендельном тем временем все будет хорошо...»

Последнее охотник повторял в голове вновь и вновь, надеясь – рано ли, поздно – поверить, что книжник Мендельн вправду не влипнет в какую-нибудь беду.

Надеясь... но не слишком на это рассчитывая.

* * *

К деревенской окраине Мендельн подошел как раз в ту минуту, когда небеса словно бы объявили односельчанам войну. Не в пример прочим жителям Серама, он остался на месте, точно замороженный, наблюдая за природными силами, ведущими себя в манере, совершенно противоположной той, которую он полагал единственно верной. Грозы не обрушиваются на столь ограниченное пространство ни с того ни с сего. Ветру не положено дуть с ураганной силой в пре-

делах деревни, и при этом практически пропадать там, где сейчас стоял Мендельн!

Лишь после того, как сей феномен – все так же, ни с того ни с сего – прекратился, Мендельн сдвинулся с места и вошел в Серам. Центр деревни превратился в развалины, на земле покоилось не одно неподвижное тело. Только тут юноша и начал постигать масштаб происшедшего... а еще понял, что все это оказалось весьма кстати для Ульдиссиана.

В этой последней мысли Мендельн утвердился, миновав обугленные останки человека в длинных одеждах, в котором ему каким-то чудом удалось узнать одного из высших служителей Собора Света, судя по виду – самого мастера-инквизитора. Устрашающий разряд молнии спалил его почти без остатка, а от вони горелого мяса Мендельну следовало бы шарахнуть прочь... однако некое нездоровое любопытство повлекло младшего из сыновей Диомеда к жуткому мертвому телу.

Но стоило ему приблизиться на расстояние вытянутой руки, его словно изо всех сил ударили увесистым кулаком. Встревоженный, Мендельн отшатнулся назад: казалось, кто-то неведомый в ярости закричал, завопил на него.

Утратив всякий интерес к обгорелым останкам, младший сын Диомеда продолжал отступать, но тут за спиною воскликнули: *«Где же она? Никак не отыщу ее... никак не отыщу...»*

Обернувшись на голос, Мендельн не обнаружил позади ни

души. Нахмурившись, он решил, что с него хватит, и двинулся на поиски брата.

«О, добрый Мендельн! Ты ее не видал? Не видал ли ты моей дочери?»

Краем глаза Мендельн заметил чей-то силуэт возле громадного куска кровли, сброшенного ветром на землю с крыши одного из домов. Однако стоило ему повернуться туда, силуэт будто бы исчез... а может, его и вовсе там не было.

Но на сей раз Мендельн вроде бы понял, кто это.

– Мастер Кир? – неуверенно позвал он. – Мастер Кир?

Ответа не последовало, однако Мендельн, снова охваченный неодолимым влечением, двинулся вперед, к обломку крыши посреди улицы. Приблизившись, он углядел под досками что-то еще, склонился и потянул край обломка кверху. Дощатая кровля оказалась куда тяжелей, чем он думал, но, догадавшись откинуться назад и вложить в рывок всю тяжесть тела, Ульдиссианов брат сумел добиться кой-какого прогресса. Мало-помалу сокрытое под досками оказалось на виду...

И тут Мендельн, бессвязно вскрикнув, выпустил обломок кровли из рук, замотал головой. Такого смятения он за собою не помнил с тех самых пор, как горевал, сраженный безвременной смертью родных.

Но в этот миг знакомый голос снова спросил: *«Где же она? Где же моя Серентия?»*

Только теперь Мендельн понял: этот голос звучит *в его*

голове. Неудержимо дрожа, он попятился прочь от обломка крыши и того, что скрывалось под ним...

И тут нечто твердое, острое кольнуло его в поясницу. Не успел он обернуться, как оказался бесцеремонно схвачен не одной парой рук.

В считанных дюймах от его носа возникло суровое лицо одного из охранников инквизитора.

– Ты! – рывкнул охранник. – Ты состоишь в родстве с обвиняемым, еретиком и убийцей по имени Ульдиссиан уль-Диомед? Признавайся! Кое-кто уже указал на тебя, как на его брата!

Все еще силясь понять, что случилось минутой раньше, Мендельн безмолвно кивнул. К несчастью, сие послужило пленителям сигналом к тому, чтоб поволоочь его через деревню, к группе односельчан, с опаской поглядывавших на еще четверых из сопровождения инквизитора, карауливших их с четырех сторон. Серамцев Мендельн насчитал почти два десятка. Широко раскрытые глаза, робость в движениях... все это живо напоминало отару овец, следующих на бойню.

Дорий вел жаркий спор с одним из служителей Собора. Тиберия поблизости не оказалось. Несколько его стражников стояли с Дорием рядом, но явно не знали, что делать.

– Но вы не вправе держать под стражей этих добрых людей! – настаивал староста.

– Соглашения, заключенные Собором Света с властями Кеджана, даруют нам право на все, что нам необходимо, и

на все, чего мы пожелаем! – надменно ответил старший над охранниками. – И исходя из этого, – добавил он, обращаясь к людям Тиберия, – власть вашего капитана переходит к нам! Теперь вам надлежит повиноваться всем приказам Собора, а первым из них будет следующий: старосту увести в его жилище и там запереть!

Один из местных робко протянул руку к Дорию.

– Что же нам следует...

– Я шагу отсюда никуда не ступлю! – упрямо ответил Дорий.

– Ну что ж, если твои люди не подчинятся, я буду вынужден приказать моим людям разобраться с тобой... а после и с ними.

Бросив взгляд на его грозных воинов, затем – на собственных стражников, староста покачал головой, нехотя развернулся и повел своих прочь.

С уходом Дория, в отсутствие Тиберия (теперь Мендельн заподозрил, что капитан тоже пал жертвой ненастья) судьба Ульдиссианова брата и прочих согнанных сюда серамцев оказалась всецело в руках охраны инквизитора Собора. Нет, Мендельн не то чтобы полностью разделял неприязнь брата к этой секте, но в эту минуту не мог бы вообразить себе худшей участи, выпавшей на долю любого ни в чем не повинного человека. Скорее всего, эти воины считали происшедшее результатом какого-то колдовства, а подобного вывода не мог бы с уверенностью исключить даже сам Мендельн.

Никакие разумные объяснения к случаю уж точно не подходили.

– Шагай в круг! – рывкнул один из схвативших его.

Едва не споткнувшись, Мендельн шагнул к остальным. Ближайшие тут же шарахнулись от него прочь, в страхе прижались к товарищам по несчастью. Даже те, кто знал Мендельна с детства, смотрели на него, точно на какого-то изгоя.

Или, скорее, на *брата* такогого.

– Это он, – сказал тот же охранник, что толкнул младшего из Диомедовых сыновей вперед.

Мендельн повернулся к нему лицом. Охранник, хоть и на пару дюймов уступал крестьянину в росте, без труда взирал на него свысока. Широкое, грубой лепки, лицо его куда лучше подошло бы разбойнику с большой дороги, чем представителю духовного ордена.

– Брат того самого еретика и чародея, так? – властно, тоном, ясно дававшим понять, что ответа от Мендельна вовсе не требуется, осведомился главный охранник. – Где Ульдиссиан уль-Диомед? Отвечай живо, и, может быть, не разделишь его судьбу.

– Ульдиссиан не сделал ничего дурного!

– Его виновность доказана, его владение нечистыми искусствами несомненно! Его душе ничем не помочь, однако твоя еще может очиститься от греха! А нужно для этого всего-навсего выдать нам еретика!

Его слова показались Мендельну сущим вздором, но сам

охранник, несомненно, свято верил во все, что говорил. Невзирая на то, что сам же подписывает себе приговор, Мендельн без колебаний покачал головой.

– Что ж, тогда начнем с тебя... и пусть твой пример послужит вот этим, остальным, как нам доподлинно известно, якшавшимся с еретиком, наглядным уроком!

С тем же проворством, с каким втолкнули его в круг, охранники инквизитора выдернули Мендельна из толпы и поволокли на простор. Под взглядом брошенного на колени крестьянина главный охранник прошел к коню и снял с седла прицепленный к оному длинный, плетеный, свернутый кольцами бич. Распустив стягивавшую бич петлю, охранник встряхнул зловещее оружие, развернул его во всю длину, для пробы взмахнул им. Резкий щелчок бича заставил Мендельна содрогнуться вернее любого, самого грозного раската грома.

Решительно хмурия брови, главный над охранниками направился к Мендельну. В ожидании жуткой боли Мендельн зажмурился, что было сил...

* * *

Все это было случайностью. Случайностью, и не более. Простым совпадением.

Однако глядя вдаль, в сторону Серама, Ульдиссиан чувствовал назойливые сомнения, гложащие его изнутри. Вновь

вспомнилось, как жутко выглядела щиколотка Лилии... и как, спустя не больше минуты, от кровоподтека не осталось даже следа. А устрашающая гроза, разразившаяся над деревней, едва брат Микелий принялся его обвинять? А велики ли были шансы на то, что молния поразит его со столь безупречной точностью?

«Совпадение! – в который раз сказал себе Ульдиссиан. – Случайность, не более!»

И все-таки до конца в это не верил даже он сам.

Не в силах решить, что предпринять дальше, крестьянин стоял и стоял на месте. Но вдруг перед его мысленным взором неожиданно-негаданно возникло лицо – лицо, знакомое не хуже собственного.

Мендельн... Лицу брата сопутствовала страшная тревога, предчувствие скорой неминуемой беды.

С невнятным возгласом Ульдиссиан ринулся назад, к деревне.

– Ульдиссиан! – окликнула его Лилия. – Что с тобой?

– Брат! Мендельн! – только и смог сказать он.

Неодолимое стремление добраться до Серама, пока с Мендельном не случилось чего-то ужасного, овладело им целиком. Откуда ему известно, что брат в беде, Ульдиссиан не задумывался. Твердо он знал лишь одно: Мендельна нужно выручать, даже если из-за этого его снова схватят.

И тут перед ним, откуда ни возьмись, возникли двое бегущих навстречу. Ульдиссиан приготовился к схватке... но

в следующий же миг узнал в них Ахилия с Серентией.

– Ульдиссиан! – выпалила дочь торговца. – Хвала высшим силам, ты цел!

Лучник тоже о чем-то заговорил, но Ульдиссиан, несмотря на то, что видеть их был рад, не замедлил бега. Он чувствовал: время на исходе. Без извинений растолкав обоих, крестьянин помчался дальше. Казалось, лихорадочно бьющееся сердце в груди криком кричит: «Поскорей! Поспешите!»

Вот впереди показалась околица Серама. Крестьянин малость воспрянул духом.

Однако из-за домов донесся резкий, хлесткий щелчок, и от этого звука сердце Ульдиссиана пронзила жгучая боль.

Скрипнув зубами, тяжело дыша на бегу, сын Диомеда рванулся в Серам.

Открывшееся его глазам зрелище исполнило душу гнева пополам с ненавистью. На лицах односельчан, согнанных в стадо, как скот, отражался страх и смятение. Вокруг, направив на них оружие, с мрачными минами стояли охранники инквизитора.

Но куда хуже – намного, намного хуже – оказалось то, на что были устремлены взгляды односельчан. У разрушенного колодца, перед главным охранником инквизитора, стоял на коленях Мендельн. Еще один латник стоял рядом, не позволяя Ульдиссианову брату подняться. Кто-то разорвал рубаху Мендельна сзади, и теперь вдоль спины брата, точно лента,

тянулась длинная багровая полоса.

Багровая полоса, оставленная длинным плетеным из кожи бичом главного над охранниками.

Наконец-то заметивший Ульдиссиана, поборник Собора Света приготовил бич к новому удару.

– Сдавайся добром, Ульдиссиан уль-Диомед, не то я буду вынужден причинить твоему брату еще большие муки!

Эти лживые речи – заявление, будто в новом ударе бичом по Мендельновой спине будет виновен он, *Ульдиссиан* – лишь разъярили крестьянина сильнее прежнего. Эх, вот этих бы сейчас бичом – всех, кто осмелился бичевать его брата...

Бич начальника охраны изогнулся змеей, взвился в воздух, точно подхваченный внезапным порывом ветра. Изумленный, истязатель дернул оружие на себя, книзу, но вместо этого плетеный кожаный ремень бича обвился вокруг его шеи.

Мужчина потянулся к бичу, чтоб размотать его, однако бич в тот же миг туго сдавил его горло. Вытаращив глаза, начальник охраны инквизитора выпустил рукоять, ухватился за ремень обеими руками, коротко, сдавленно всхрипнул.

Охранник, стоявший к Мендельну ближе всех остальных, бросился выручать командира, на бегу вкладывая оружие в ножны. Однако его рука вдруг повернулась так, что клинок, пройдя мимо ножен, каким-то непостижимым образом выгнулся кверху и вонзился в тело охранника чуть ниже кирасы.

Ошеломленный, с обогранными кровью ладонями, охранник покачнулся, навалился на своего начальника, а тот, страшно пуча глаза, в отчаянии дергал, рвал с горла чудовищную удавку. Наконец раненный собственным клинком осел наземь подле Мендельна, в ужасе шарахнувшегося прочь, а поборник Собора Света в последний раз захрипел и присоединился к собрату по вере. Бич так и остался туго затянутым на его шее.

– Ульдиссиан! – откуда-то сзади крикнула Лилия. – Берегись остальных!

Покосившись вбок, крестьянин увидел уцелевших охранников инквизитора, сбегających к нему. В глубине души Ульдиссиану захотелось пуститься наутек, но ярость пересилила страх, и он устремил гневный взгляд навстречу вооруженным противникам, посмевающим запугивать мирных крестьян во имя своей непорочной секты.

Один из бегущих споткнулся, поднял руку с оружием, и... Острие его клинка вонзилось точно под подбородок охранника, бежавшего рядом. Воин, забулькав горлом, упал, а, падая, выронил собственное оружие, удачно подвернувшееся под ноги еще одному из охранников. Споткнувшись, охранник развернулся в воздухе на пол-оборота и рухнул, ударившись об утоптанную землю затылком. Слышно хрустнула кость, и инквизитор замер с нелепо, неестественно вывернутой головой.

Однако за это время остальные охранники взяли в кольцо

Ульдиссиана, смотрящего на них, как на паразитов, пожирающих его урожай. На его взгляд, от полевых вредителей эти слуги Собора не отличались ровным счетом ничем. Ульдиссиан вспомнил, как однажды обнаружил в хозяйстве зараженный паразитами целый амбар зерна. Способ избавиться от вредоносных тварей, не дать им размножиться, добраться до остального урожая, был только один. К этому-то способу он и прибег – *сжег* амбар, сжег дотла, вместе со всеми паразитами...

Спалил их всех без остатка...

Охранник, оказавшийся впереди остальных, пронзительно завопил, выронил меч и в ужасе уставился на собственные пальцы, чернеющие у всех на глазах. Никто и моргнуть не успел, как его руки обуглились, жилы и мускулы обернулись пеплом, и даже кости темнели, темнели, пока не истаяли вовсе.

Когда руки охранника обратились в прах, его самого постигла та же участь. Лицо мужчины сморщилось, все тело затряслось, латы утратили блеск, почернели, точно брошенные в пылающие угли пекла. Охранник пронзительно завопил, но его вопль оборвался, едва язык рассыпался в мелкое крошево.

Следом за языком исчезли глаза, с ужасающей бесповоротностью стекшие в глубины глазниц. Рассыпавшееся в прах, почерневшее тело рухнуло наземь грудой костей, задымившихся и тоже распавшихся на угольки.

Товарищи, не успевшие даже разинуть рта в страхе перед его судьбой, пали с ним вместе. Их предсмертные крики, перешедшие в визг, оказались недолги, смерть же была ознаменована лязгом о землю пустых лат да оброненного оружия.

Лишь после того, как все они обратились в пепел, Ульдиссиан опомнился, пришел в себя... и, потрясенный, уставился на чудовищную картину, коей по сию пору не мог в полной мере связать с самим собой. Однако не мог он отрицать и охватившего его пламенного гнева – гнева, обращенного им на злосчастных охранников-инквизиторов.

Над Серамом нависла неестественная тишина. Кое-как оторвав взгляд от жутких останков, Ульдиссиан повернулся к брату, замершему в паре шагов от него. Тяжко дыша, очевидно, все еще страдая от боли, причиненной безжалостным ударом бича, Мендельн взирал на старшего брата с отвисшей челюстью.

– Ульдиссиан, – наконец-то сумел прошептать он.

Но Ульдиссиан уже перевел взгляд за его спину – туда, где, по-прежнему сбившись в кучу, хотя всех их пленителей постигла смерть, стояли остальные серамцы. В глазах их крестьянин не видел даже малой толики облегчения – один только *страх*.

Страх перед ним...

Бывшие пленники негромко зароптали. Стоило Ульдиссиану протянуть к ним руку, все, как один, отодвинулись от него прочь.

Видя это, Ульдиссиан, в свою очередь, отступил на шаг назад. Оглядевшись вокруг, он увидел и прочих жителей деревни, мало-помалу выбравшихся из укрытий. Все эти люди, которых он знал с самого детства, взирали на него точно так же, как и освобожденные пленники.

– Я ничего такого *не сделал*, – пробормотал сын Диомеда, скорее, себе самому, чем кому-то еще. – Ровным счетом *ничего*, – чуть громче прежнего запротестовал он.

Но жители Серама, ясное дело, смотрели на все иначе. Теперь они твердо верили: да, это *он* прирезал обоих миссионеров. Как же им было этому не поверить? На их глазах одного человека поразила молния, другой был задушен собственным же бичом, и остальные погибли в манере, которую никому на всем свете не придет в голову назвать заурядной!

Тут Ульдиссиан заметил невдалеке Тибиона и двинулся к хозяину «Кабаньей головы». После гибели Диомеда старик, можно сказать, отца ему заменил. Кто-кто, а Тибион должен бы понимать, что...

Однако приземистый, коренастый хозяин «Кабаньей головы», закаменев лицом, не слишком скрывая тревогу и отвращение, безмолвно покачал головой и подался назад.

Кто-то потянул Ульдиссиана за рукав. Мендельн...

– Ульдиссиан... идем-ка отсюда, – морщась от боли, прошептал брат. – Идем отсюда, да поскорее!

– Я должен вернуть их в *разум*, Мендельн! Не могут же они всерьез верить, будто...

– Сам видишь, верят. По-моему, даже я в это верю, но дело не в том! Оглянись вокруг! Для них ты больше не Ульдиссиан! Для них ты – тот самый изверг, которым ославил тебя мастер-инквизитор из Собора! И это все, что они сейчас видят!

Мучительно морща лоб, Ульдиссиан огляделся по сторонам, но увидел только все те же мрачные лица.

Из-за угла вышел Дорий... а с ним и Тиберий. Рука капитана стражи висела на перевязи, поперек его правой щеки тянулась свежая царапина. Следом за ними шли те самые стражники, которым было велено запереть старосту в доме.

Капитан Тиберий и оказался тем, кто, наконец-то, заговорил с Ульдиссианом.

– Замри, Ульдиссиан, не двигайся. Даже не шевелись, будь оно все проклято – только руки сложи за спиной, и...

– Не виноват я во всем этом! Не виноват! – возразил крестьянин, с самого начала твердо уверенный, что все его оправдания снова пропадут даром. – Ты меня всего-навсего выслушай...

– Вокруг расставлены лучники, – в нетерпении перебил его Дорий. – Прошу тебя, Ульдиссиан, прислушайся к голосу разума...

Крестьянина охватила дрожь. Никто, никто не желал его выслушать! Умопомешательство окружало его со всех сторон. Все видели в нем, в Ульдиссиане, только душегуба, чудовище.

Отвлеченный сумбуром в мыслях, он едва не проморгал украдкой поданного Тиберием знака. Тут ему разом вспомнились слова старосты. Лучники... Те, кто еще недавно были его друзьями, скорее, убьют его, чем поймут, в какую он угодил передрагу...

– Нет! – воскликнул Ульдиссиан. – Нет!

Земля задрожала. Люди вокруг попадали с ног. Что-то свистнуло в воздухе у самого его уха.

В то время, как весь Серам заходил ходуном, чья-то рука потянула Ульдиссиана прочь. Однако рука та принадлежала не Мендельну – Лилии.

– Это наш единственный шанс! Уйдем отсюда!

Не в силах, да и не желая ни о чем больше думать, крестьянин покорно последовал за ней, к околице. Никто вокруг не мог устоять на ногах, однако и Ульдиссиан, и аристократка бежали, как ни в чем не бывало.

Кто-то окликнул Ульдиссиана по имени. Как Лилия ни волокла его за собой, Ульдиссиан оглянулся и увидел позади Мендельна на четвереньках. Брат явно пытался нагнать их, однако его постигло то же несчастье, что и всех прочих серамцев.

Не обращая внимания на протесты Лилии, крестьянин бросился назад, за Мендельном. Схватившись за руку старшего брата, Мендельн тут же уверенно поднялся на ноги. Крепко сжимая его ладонь, Ульдиссиан потянул младшего за собой, подальше от общей неразберихи.

– Кони! – заорал Мендельн, перекрикивая шум. – Коней надо взять!

Ульдиссиан приготовился возразить: нет у них, дескать, времени, чтоб лошадьми разжиться – тем более, не одной, а целыми пятью, но вдруг, обогнав их, мимо пронесся конь. За первым конем последовали еще несколько – под седлами, в упряжи цветов Собора Света. Все они без раздумий устремились в лес... напрямик в руки поджидавшего их Ахилия.

Искусный в обращении с животными, охотник без труда поймал сразу трех. Еще одного удалось изловить Серентии, а вот пятого онапустила.

Ульдиссиан остановился перед охотником, и двое давних друзей пристально взглянули один другому в глаза.

– Убираться отсюда надо, – заговорил, наконец, Ахилий, передавая крестьянину поводья двух из трех пойманных коней. – Убираться, да поскорее. И не возвращаться, пока они не образумятся.

Однако оба прекрасно понимали: этому не бывать никогда. Да, Ахилий с Серентией могли бы вернуться в деревню, и *воротятся*, если Ульдиссиану удастся настоять на своем. А вот самому Ульдиссиану – и, по вине кровного родства с ним, Мендельну, – похоже, придется распрощаться с родным домом навеки.

– Коней у нас только четыре, – выдохнула дочь торговца. – Ульдиссиан, мы с тобой можем...

– Ульдиссиан, с тобою поеду я, – вмешалась в разговор

Лилия. – Она же вольна выбрать любого из трех остальных коней.

Казалось, Серентия готова затеять спор, но Ульдиссиан, едва услышав слова аристократки, не мешкая, вернул одни из поводьев Ахилию. Охотник без промедления передал узду Мендельну, уставившемуся на нее так, будто ремни обернулись ядовитыми змеями.

– По коням! – скомандовал лучник всем остальным. – Сдается мне, землетрясение на убыль пошло!

И верно: суматоха в Сераме мало-помалу стихала. Ульдиссиану сделалось интересно, возобновит ли земля судорожные биения, если он того пожелает, однако сын Диомеда тут же принялся ругать себя на все корки за то, что хотя бы помыслил о подобных вещах. Виноват он в случившемся хоть сколько-нибудь, или нет, а раненых и даже погибших из-за всех этих событий уже набралось более чем достаточно. Пожелать того, что может снова подвергнуть людей опасности, казалось ему почти столь же ужасным, как и те преступления, в которых он был обвинен.

Ульдиссиан обвел взглядом немногих, оставшихся рядом. Самой невинной из них, конечно, была Серентия. Уж ей-то наверняка можно вернуться домой *сейчас же*, не дожидаясь никаких перемен.

– Серри! Ступай назад, в деревню! Тебя, скорее всего, никто с нами не видел! Возвращайся к отцу с братьями, и...

Серентия упрямо поджала губы.

– Ни за что, пока не удостоверюсь, что ты в безопасности!

К немалому удивлению Ульдиссиана, Ахилий решил подержать не старого друга, ее.

– Ей лучше всего уехать с нами – на время, пока в Сераме не угомонятся. Все, хватит болтать!

– На юго-восток! – ни с того ни с сего предложила Лилия. – Едем на юго-восток! Там безопаснее всего!

Незнакомый с юго-восточными землями, Ульдиссиан вопросительно взглянул на охотника, однако Ахилий только пожал плечами. Он если и отъезжал от Серамы дальше, чем спутники, то ненамного.

Лилия потянулась губами к самому Ульдиссианову уху. От ее дыхания веяло приятной, воодушевляющей теплотой.

– Доверься мне, – прошептала она. – На юго-востоке...

– Ладно! На юго-восток, так на юго-восток! – буркнул он остальным. – Главное – подальше от этого сумасшествия...

Руки аристократки обхватили его за пояс, висок коснулся спины, и Ульдиссиан уль-Диомед прищпорил коня. За ним (Ахилий – последним) тронулись все остальные.

«Все разрешится, – мысленно убеждал крестьянин себя самого. – Все разрешится». Так ли, иначе, а он во всем разберется и снова заживет прежней, привычной жизнью – хотя, наверное, уже не в Сераме. Все его связи с односельчанами разорваны навсегда. Он никогда больше не сможет довериться им, а они никогда больше не доверятся ему. Память об обвинениях в его адрес, пусть даже неявно, останется с

ним на всю жизнь.

А вот где-нибудь в других краях Ульдиссиан запросто сможет начать жизнь заново, позабыв обо всем, что случилось в Сераме. Что нужно крестьянину? Ключок земли да крепкие руки. Руки имеются, земля найдется. На этой земле он выстроит новый дом – и, может статься, побольше, в расчете на семью. Лилия многим пожертвовала ради него, а если так, выходит, он для нее что-то да значит, несмотря на всю разницу в происхождении. Вместе, вдвоем, они оставят прошлое позади и начнут строить новое будущее.

Начнут... если, конечно, Церковь с Собором позволят.

Глава шестая

Для ночлега они остановились у обочины горного тракта. Вдали виднелись бескрайние джунгли, окружавшие более обжитую центральную часть кеджанских земель. Естественно, раздобыть какой-нибудь дичи на ужин выпало Ахилию. Мендельн принялся разжигать костер, а Серентия с Ульдиссианом направились в разные стороны, поглядеть, не найдется ли рядом воды и съедобных ягод. От всего сердца радуясь поводу сосредоточиться на чем-то еще, кроме собственных невзгод, крестьянин в изгнании забрел дальше, чем договаривались. Тишина поросших лесами склонов впервые за многие дни исполнила сердце покоя. Правду сказать, он наслаждался этой тишью так, что лишь изредка вспоминал, зачем отправился в лес.

Однако покой его внезапно нарушил шорох палой листвы. Рука Ульдиссиана сама собой потянулась к ножу, который он давным-давно потерял.

Но едва он осознал собственную промашку, шуршавший листьями бросился прямо к нему. Сердце его затрепетало, но не от страха – от радости.

– Прости, – негромко сказала Лилия, глядя в его лицо снизу вверх. – Я и сама испугалась! И мне... мне так захотелось оказаться рядом с тобою, Ульдиссиан...

От прикосновения ее белых, точно слоновою костью, паль-

цев кровь ударила в голову. В лучах луны, пробивавшихся сквозь густую листву, глаза Лилии замерцали, точно сами звезды.

– Здесь нечего бояться, – заверил ее Ульдиссиан, смакуя прикосновение. – Завтра дела пойдут на лад, вот увидишь.

Аристократка заулыбалась.

– Как глупо... *ты* утешаешь *меня!* Ульдиссиан, ведь это твоя – не моя жизнь в опасности...

– Серам остался далеко позади. Вскоре там обо мне позабудут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.